

Череп со стрелой

Автор:

Дмитрий Емец

Череп со стрелой

Дмитрий Александрович Емец

ШНыр #6

Череп со стрелой – артефакт, созданный сотни лет назад одним из первых ныряльщиков. С его помощью можно доставать мощные магические закладки, каждая из которых способна спасти чью-то жизнь. Артефакт этот бесценный, но очень капризный, и никто, кроме его создателя, никогда не мог с ним совладать. И самое главное, каждому последующему владельцу он приносил лишь смерть. А позже череп и вовсе исчез. И вот теперь, непонятно откуда и как, он появился вновь и даже выбрал себе хозяина. Значит, кто-то из шныров обнаружил целое хранилище закладок. И этот «кто-то» подвергается небывалой опасности.

Дмитрий Емец

Череп со стрелой

Сердца слышат только надрывный юродивый крик. И, по сути, больше ничего.

Кавалерия

Каждый писатель похож на звук определенной тональности. Стоит тысяча бокалов разных размеров и форм, и вот, когда звучит какое-нибудь особенное для третьей октавы, сто из них звякают. Другому звуку отзываются двести

бокалов, третьему – всего пять. Каждый писатель – такой звук. Причем подделать его или симулировать, думаю, вообще невозможно.

Йозеф Эметс, венгерский философ

© Емец Д. А., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Дорожные знаки разведчика

Вместо эпилога

– Почему этот псих гнался за мной с топором? Я же видел его первый раз в жизни!

– Это подсевший на псиос берсерк с временным опережением плюс один!

– Кто-о?

– Поясняю. Если ты щелкнешь его по носу сейчас, он почувствует это час назад. Таким образом, если он за тобой гонится сейчас, значит, ты сделаешь ему гадость в течение ближайшего часа.

– Ну да! Я кинул в него кирпичом, когда он за мной погнался!

- Ну вот. Что и требовалось доказать!

ВВР – внутренние воображалки Рины

Сашка понял, что находится на дороге и куда-то идет. Потом узнал место. Он двигался от Копытово к ШНыру и уже различал полосу ограды. Впереди на дороге стоял Горшеня, казавшийся отсюда маленьким, и смотрел в его сторону. Потом фигура Горшени качнулась и куда-то исчезла.

Полоска ограды была серого цвета. Значит, раннее утро. Вечером она бывает светлой, с серебром. Почему? А просто бывает, и все. Вещи проще воспринимать такими, какие они есть, не выковыривая из них голый смысл, как изюм из булки.

Из Сашкиной памяти выпал целый кусок, но насколько большой – этого он сказать не мог, лишь фиксировал неуютную пустоту. А что, если... Сашка схватился за рукав. Уф! Нерпь на месте, значит, был не в плену! Берсерки нерпи бы не оставили!

Пряча руку в карман, Сашка задел грубую кожу куртки и взвыл от боли. Две крайние костяшки распухли и были горячими. Завтра суставы отекут и кисть станет нерабочей. Заодно он оглядел и левую руку. С ней было все в порядке. Что ж! Будет хоть чем молнию застегивать.

Было промозгло. Сырость вползала за ворот и в рукава. Видимо, ей тоже хотелось согреться. Сашка перелез через ограду ШНыра и, привычно спрыгнув, плюхнулся в нерастаявшую кучу снега. Чьи-то руки схватили его и выдернули из сугроба как морковку. Сашка увидел фигуру в бараньем тулупе. Горшеня, которого Сашка прежде видел на дороге, стоял и покачивался, похожий на колоссальных размеров чучело. Янтарные пуговицы смотрели на Сашку непонятно.

- Что ты здесь делаешь? – спросил Сашка, стараясь, чтобы голос звучал весело.

- Жду! – сказал Горшеня несколько, как показалось Сашке, зловеще.

- Кого ждешь?

– Тебя!

– Не ешь меня! – поспешно сказал Сашка, расставляя руки, как Ивашка, не желающий лезть в печь.

– Горшеня не будет тебя есть! – сказал гигант.

Сашка насторожился. Каждый шныр традиционно боится двух вещей. Первая: оказаться внутри Горшени и торчать у него в животе, издавая одинокие крики и дожидаясь, пока кто-нибудь догадается тебя спасти. Вторая: что Горшеня его не съест и это будет означать, что с тобой что-то не так, потому что Горшеня ест лишь тех, кого любит.

– Почему? – спросил Сашка.

Горшеня взял его за плечи и, развернув лицом к ШНыру, легонько подтолкнул в спину.

– Тебя ждут! Иди! И... живи! – сказал он.

Сашка послушно побрел по снегу к светлеющему за деревьями ШНыру. Потом обернулся. Горшеня стоял на прежнем месте и смотрел ему вслед. Во всей его позе было что-то зашкаливающе торжественное.

Сашка поднялся на крыльцо. Открытая дверь дохнула живым теплом. Еще с порога он почувствовал сложный запах старой штукатурки, пригоревшей еды, глины, незаконно просочившихся котлов, растрескавшегося паркета, сосновой хвои с двушки, кожаных курток, свежих булок, пегасни, шиповника и самшита. Все вместе, невообразимо сочетаясь и перемешиваясь, создавало непередаваемую атмосферу ШНыра.

Сашка никогда не считал себя особо чувствительным человеком. А тут его словно захлестнуло. Он привалился плечом к стене, закрыл глаза и почувствовал, что очень-очень любит это место и всегда хочет сюда возвращаться.

Из столовой доносился гул голосов. Звякали вилки. Чтобы не опоздать на завтрак, Сашка напрямик направился в столовую. Щелкнув ногтем по капающему крану, прошел мимо умывальников. Вшагнул в открытые двери. Кто-то поднял голову, увидел Сашку и издал звук, какой бывает, когда человек давится горошиной и резким выдохом пытается исторгнуть ее из горла.

Сашка двигался к своему привычному месту, и с ним вместе по столовой прокатывался шерстяной шар тишины. Вот Рузя не донес до рта вилку. Вот Вовчик посмотрел на Сашку, равнодушно отвернулся, потом опять, точно спохватившись, посмотрел и, что-то медленно соображая, стал постепенно синеть, сползая со стула. Вот Суповна, перестав кричать на неуклюжую Надю, застыла с разинутым ртом, и правая ладонь ее слепо шарит по груди, отыскивая не то крестик, не то сердце.

Ничего не понимая, Сашка опустился на свободный стул напротив Рины. Рина его пока не замечала. Была как деревянная. Смотрела в тарелку и ела точно робот, не глядя по сторонам. У нее были красные глаза, а под ними сиреневые подковы.

– Эй! – окликнул Сашка. – Ты чего? Тебя кто-то обидел?

Рина медленно оторвалась от тарелки. Увидела Сашку, закричала как птица и, толкнув стол, метнулась к выходу. Это послужило сигналом. За ней, опрокидывая стулья, с воплями ринулась целая толпа. Столовая мгновенно опустела. Остались только Ул, Яра и Меркурий. Кавалерии и Кузепыча не было с самого начала. Возможно, они с утра ушли в пегасню.

Сашка остался за столом в одиночестве. Через некоторое время к нему осторожно подошел Ул и опустился на краешек стула. Сашка обратил внимание, что руку Ул держит на запястье, готовый пустить в ход льва на нерпи.

– Привет! – сказал Ул.

– Привет!

– Это ты?

– Ну да... я, – подтвердил Сашка.

- Точно ты?

- Точно я!!! - сердито крикнул Сашка.

Его крик подействовал на Ула успокаивающе.

- Ну да! - сразу согласился он. - Ты и ты! Дело хорошее! Горячиться-то, чудо былиин, зачем?

С минуту они помолчали. Ул поглаживал пальцами рукав и явно не знал, что еще спросить. Потом все же нашелся, не слишком оригинально, но надежно:

- Дела-то как?

- Нормально.

- Спал-то хорошо?

- Я не спал, - сказал Сашка.

- А, ну да... Лежал! Что ж, тут оправдываться нечего! Полезно иногда полежать. Сам люблю! - охотно согласился Ул и посмотрел на Сашкину щеку, а потом на лоб.

- Что такое? - спросил Сашка.

- Ничего! - торопливо ответил Ул и, опустив глаза, очень заинтересовался столом. Казалось, его очень волнует, почему, например, просыпан сахар. Это же непорядок! Сахар же денег стоит! Или почему вилка лежит так далеко от ложки? Не является ли это дискриминацией или чем-нибудь еще?

Рядом с умывальниками что-то завозилось. Или споткнулось. Или чихнуло. Или все вместе. Сашка повернул голову. Из коридора в столовую заглядывал Рузя, держа в руках старый арбалет, который до этого висел в холле рядом с огнетушителем. Ул, как и Сашка, оглянулся на Рузю с опаской и махнул рукой Яре, умоляя ее убрать куда-нибудь Рузю и при этом самой не угодить под выстрел. Воинствующий пингвинчик был способен всадить болт во все, кроме

мишени, которая одна пребывала в относительной безопасности.

Сашке окончательно надоел этот цирк. Он решил, что в своем временном забвении что-то натворил, о чем Улу, конечно, известно, потому что иначе Ул так бы себя не вел. Сашка взял со стола большой огурец – летом Суповна солила их во множестве – и, для решительности откусив большой кусок, с вызовом уставился на Ула:

– Ну говори! Чего я еще начудил?

– Когда начудил? – удивился Ул.

Казалось, его больше занимает не вопрос, а то, что Сашка жует. Ул посекундно переводил взгляд на огурец и проверял, действительно ли тот становился меньше.

– Сегодня ночью. Или не ночью. Не знаю.

– Правда не знаешь? – уточнил Ул, перестав разглядывать огурец.

– Нет.

– Да, в общем, ничего ты не натворил. Ты совершил подвиг.

– Какой подвиг?

– Хороший подвиг, – уклонился от описания Ул. – Правда, есть, чудо былиин, небольшая проблема! Можно сказать, карликовая!

– Какая? – с облегчением спросил Сашка. Иметь дело с карликовой проблемой было не так страшно, как с большой.

– Да такая вот проблема... Убили тебя. Понимаешь?

– Убили? – недоверчиво переспросил Сашка. – Меня?

- Ну да! – радостно согласился Ул.

Сашка снова посмотрел на дверь, куда Яра уволакивала упирающегося Рузю.

- Бред какой-то! Так значит, Рина тоже подумала, что...

- Не обращай внимания! – утешил Ул. – Девушки вечно заморачиваются из-за ерунды. У Яры, например, замечательное чувство юмора, но, когда я натянул ее новые колготки на свои грязные ботинки, как же она орала! И с Риной твоей тоже самое... Куча мелких предрассудков!

- Значит, не обиделась? – спросил Сашка.

- Да какие тут обиды? Сложность в том, что мы тебя вчера похоронили!.. А она тебя любит! Ну и отсюда уже беготня и всяческие настроения! – объяснил Ул.

Сашка зачем-то снова откусил огурец, брызнувший рассолом ему в глаз.

- Меня похоронили? Где?

- Ну, тебе проще вспомнить... Где всех хоронят... Ничего кардинально нового! – сказал Ул и, заметив, что Сашка приподнимается, взялся за нерпь.

- Лучше не надо! Просто для взаимного спокойствия... Не то чтобы я не уважал мертвецов, но если уж умер, то и не броди потом.

- Может, я был ранен? – отупело спросил Сашка.

Ул и сейчас не стал спорить. Видимо, настроился со всем соглашаться.

- Может, конечно, и ранен! В тебя попало три болта. Один в сердце. Другой в глаз и вышел из затылка.

- А третий куда?

– В бедро. Ну, это мелочи... – сказал Ул и посмотрел на Сашкины колени. Колени были в земле. Сашка заметил, что Ул помрачнел.

– Может, показалось? – спросил Сашка тоскливо.

– Может, и показалось. Да только тот, что в голове торчал, мы с Меркурием вдвоем вынимали... Тут, знаешь, не ошибешься!

В столовую вошла Рина, сделала несколько неуверенных шагов и застыла. Казалось, две разные силы двигают ее: одна вперед, а другая назад. Прежде чем Ул его остановил, Сашка бросился к ней. Рина отстранилась, вскрикнула, но он прижал ее к себе. Она рванулась, попыталась боднуть его, укусить, но он не отпускал, и она вдруг сдалась и тихо сказала:

– Ты теплый. И живой.

– Отойди от него! Это может быть опасно! – крикнул Ул.

Чьи-то пальцы, сильные как плоскогубцы, стиснули ему запястье и оторвали от нерпи. Ул оглянулся. За ним стоял Меркурий.

– Не надо. Ограда Шныра его. Впустила. Почему-то мы всех подозреваем. А надо просто. Радоваться, – сказал он.

Глава первая

Якутский пег

У меня кое с кем надтреснутые отношения. Ужасно хочется грохнуть эти отношения об пол и больше не заморачиваться. Но я понимаю, что, если буду так поступать, скоро вообще все отношения покажутся мне с трещиной.

Из дневника невернувшегося шныра

Сашка проснулся от назойливого звука будильника. Тюкнул смартфон пальцем, но несколько секунд спустя тот опять начал зудеть. Умная техника, не обманешь! Заставит долго решать логические задачи и доказывать, что ты не спишь. Но все же человек умнее. Сашка стал царапать крышку смартфона, надеясь вытащить батарею, но не довел дело до конца и опять уснул. Будильник продолжал надрываться. Макар сверху заорал и запустил в Сашку подушкой. Сашка знал, что после подушки Макар запустит еще и одеялом. Без одеяла замерзнет и полезет вниз разбивать его смартфон. Утром Макар всегда бывал бешеный.

Сквозь сон Сашка подтянул к груди колени, собираясь пнуть Макара по ноге, когда тот начнет слезать с верхнего яруса, но тут будильник вдруг сменил пластинку и принялся повторять Сашкиным голосом «Нырок! Нырок! Нырок!». Вечерний Сашка, серьезный и ответственный, обращался к Сашке-утреннему, безвольному лоботрясу.

Сашка свесил с кровати ноги, кое-как оделся и вытащился в холодный парк. Было еще темно. Снег казался синеватым. В ветвях деревьев запуталась вчерашняя луна. Кто-то уже отъел от нее половину. Сашка брел в пегасню, с омерзением ощущая на себе два поддетых свитера, распиравших куртку изнутри.

Саперка, болтаясь сзади, ударяла его по сгибу ноги. Два шага она пропускала, а на третий била. Сашка попытался увеличить шаги, но получилось только хуже. Пропустив три шага, саперка позволила Сашке порадоваться победе, а потом шарахнула его совсем больно, так, что он оступился с тропинки и ткнулся коленом в снег.

У Сашки не было никакого воодушевления, что вот это один из первых его самостоятельных нырков. Никакого сопровождающего, никаких советов, куда лететь и где копать. Лети, куда двушка пускает, копай, пока саперку не просаперишь. Сашка не считал свое задание сложным. Красная закладка для мальчика десяти лет. Подойдет любая, главное, чтобы яркая и не слишком мелкая. Год назад мальчик ударился головой о лобовое стекло машины и ослеп. Сейчас врачи считают его безнадежным, хотя и не забывают брать у родителей конвертики. Когда мальчик начнет видеть, они скажут, что вот мозг справился с контузией. Но особо не обнадеживайтесь и не забудьте через месяц пройти полное обследование. И только шныру никто никогда не скажет «спасибо». О нем попросту никто не узнает.

Возможно, Сашку и не отправляли бы одного так скоро, но ситуация была почти тупиковая. Действующих шныров становилось все меньше. Родион выбыл. Вадюша вообще не нырял. Первоубитый во всех войнах Гоша и кухонная Надя не ныряли тоже. Рузю отпускать было опасно. Он два раза нырнул бы нормально, а в третий забыл бы затянуть подпруги, чтобы лишний раз не потревожить лошадку, и воткнулся бы в асфальт. Девушка Штопочка стала такая злая, что последние месяцы чаще гонялась за берсерками, поскольку двушка перестала ее пускать, дожидаясь, пока она несколько подостынет.

А тут еще у Меркурия, одного из главных добытчиков ШНыра, начались носовые кровотечения, и это было как удар шилом в сердце. В первый раз это случилось с ним в начале марта. В морозный ясный полдень Меркурий поднялся высоко в небо и, щурясь от слепящего солнца, разом отражавшегося от облаков и от снега, ощутил головокружение, заставившее его покачнуться в седле. Прислушиваться к себе было не в привычках Меркурия. Он сердито куснул нижнюю губу, рукой в перчатке ткнул себя в лоб и, припустив повод, толкнул Митридата шенкелями.

Тот послушно сложил крылья и резко клюнул вниз. Дальше все шло как обычно: ледяной ветер в лицо, вырывающий из седла. Ключья облаков. Медленно вращающееся, точно громадной ладонью проворачиваемое, поле с картонками копытовских пятиэтажек, казавшихся ненастоящими, точно на пластилиновом макете Витяры. Меркурий все это видел сотни раз и ничему не удивлялся. Но за несколько мгновений до того, как слиться с пегом и с ним вместе прорваться за границу миров, что-то влажно хлюпнуло у него в носу, точно он получил сильный удар кулаком.

Меркурий все же не растерялся и нырнул, но потом, уже на двушке, пройдя через болото, обнаружил, что его усы и борода залиты кровью. Он долго сидел у ручья, умывался. Потом лежал на спине, дожидаясь, пока кровь остановится. Сердце стучало с провалами, не прощая себе собственной слабости. Надеясь, что сосуды закрылись, Меркурий переворачивался, но при малейшей попытке встать кровь опять начинала хлестать. Закончилось все тем, что четыре часа спустя он прибыл в ШНыр с пустой сумкой, не прорвавшись даже к скалам Подковы. Ноздри у него были забиты пропитанным кровью мхом, расширенные крылья носа, делали Меркурия похожим на льва.

Через два дня Меркурий пытался нырнуть снова, потом еще один раз, но результат был все тот же. Причем в третью попытку сосуды лопнули, даже не дождавшись, пока пег начнет снижаться, – еще при взлете. Меркурий вернулся в ШНыр и с неделю метался у себя в комнате, точно угодивший в капкан волк. Потом сделал еще одну попытку, забив нос ватой и зажав ноздри деревянной прищепкой, но это оказалось только хуже, потому что кровь все равно просачивалась из-под прищепки, но уже не наружу, а в горло, воздуха не хватало, и вдобавок вата оказалась не хлопковой, а с какой-то примесью и на двушке начала плавиться.

Подавшись уговорам Кавалерии выждать месяц или два, Меркурий больше не нырял, но его часто видели стоявшим на поле у пегасни и с тоской глядящим в небо.

– Пенсионер, – говорил он мерину Бинту. – Старая кляча. Куда тебе на двушку. Сено будешь. Жевать.

Мерин вскидывал от кормушки морду и фыркал, точно понимал, что говорят совсем не о нем, но все равно соглашаясь принять это на свой счет.

Сашка шел и думал не о том, что, если он найдет красную закладку, неведомый ему мальчик обретет зрение, а о том, что вот в амуничнике уздечки небось повесили у окна, а стекло треснутое. Влажные ремни задубели, и их натурально приходится ломать об колено. Пока расстегнешь подбородный ремень, раздерешь пальцы.

Несмотря на ранний час, Меркурий уже был в пегасне. Порой шнырам казалось, что он теперь совсем отсюда не уходит. Его нос мерцал. В бороду вплелись несколько соломинок, сосулька и кусочек яичницы. Сашке Меркурий обрадовался: ему хотелось поговорить. Зачищая огромному Аскольду переднее копыто перед сменой подковы, он поучал:

– Когда надо. Выжить. Насекомых варят. Или тушат. Можно добавлять. В суп. Моллюсков варят. Змеям отрезают. Голову. Но не снимают. Кожу. Лягушкам снимают. Кожу. Зажаривают на палочке. Старых птиц варят, а молодых. Жарят. На открытом. Огне.

Слушать рубленую речь Меркурия можно было бесконечно. Она укачивала как волны. О выживании, полетах, двушке и пеггах он знал все. Прочим же не интересовался. Про Меркурия в ШНыре ходил анекдот. Будто кто-то когда-то подошел к нему и спросил: «Какие вы знаете падежи?» – «Падеж скота. Большое. Горе», – не задумываясь, откликнулся он.

Помогая Меркурию, Сашка задрал Аскольду копыто. Велев ему не отпускать его, чтобы Аскольд не поставил копыто в навоз, Меркурий отправился за новой подковой.

Слышно было, как он громогласно узнает у появившегося в пегасне Кузепыча:

– Подкова. Где. Вопросительный знак. Буду злиться.

– Да что я – рожу ее, якорный пень? Нет у меня! – вопил Кузепыч.

– Как бревна на нем возить. Ты первый. Ищи давай.

– Да что я – на свою дачу их вожу? Можно подумать, мне одному все надо! – отбивался Кузепыч. Но отбивался вяло, под натиском Меркурия постепенно отступая к своей кладовке, ключ от которой был только у него. Затворившись в кладовке, Кузепыч прикрыл дверь перед носом у Меркурия и выглядывал из-за нее, как рак-отшельник из своей раковины.

– Отойди!

– Зачем.

– Просто отойди, и все.

– Боишься. Подгляжу.

– Ничего я не боюсь! Отойди!

Вскоре вернулся довольный Меркурий. В ручищах у него поблескивала новая подкова. Видимо, Кузепыч все-таки родил ее и роды прошли успешно. Подкова была очень хороша.

– Готово. Но лучше б ты. Чаше летал, – сказал Меркурий Аскольду, когда подкова встала на место.

Огромный жеребец шумно вздыхал и, раздуваясь боками, смотрел на Меркурия, как толстый поэт, втянутый в бесконечный домашний ремонт и – что самое ужасное – уже начавший получать от него тайное, тщательно скрываемое от всех удовольствие.

– Чего держишь. Отпускай.

Сашка с облегчением выпустил ногу Аскольда и незаметно потряс руками. Сын Роксоланы и Паровоза, пусть даже и стоявший на трех ногах, весил не меньше маленького трактора.

Меркурий одобрительно взглянул на Сашку. Он догадывался, что Аскольд не пушинка, но ему было интересно, выдержит Сашка или запросит пощады. И то, что Сашка пощады не запросил, ему нравилось.

– Ты сегодня. Нырять. На ком, – спросил Меркурий.

– На Сахаре, – сказал Сашка.

Сахар был пег якутской породы, недавно доставленный из небольшого города, который когда-то был городом ямщиков, а теперь стал городом шоферов. Постоянной базы у шныров там не было, и маленький табун – три кобылы и жеребец – круглогодично пасся на речном острове, где за ними смотрел хромой сторож, пчела которого, по словам Кавалерии, умерла от лени. Говорилось это обычно таинственно, и мало кто понимал, чья лень имелась в виду: сторожа или пчелы.

Сахар, толстенький крутобокий жеребчик, походил на рыжеватую котлету. Смотришь – и не веришь, что такой коротконогий увалень может скакать и летать, а не только стоять по брюхо в снегу и копытом ковырять сугробы. Почему его называли Сахаром, никто объяснить не мог. К сахару он относился спокойно, в пустыне Сахаре тем более не бывал, зато до трясушки любил яблоки. Однажды за украденный яблочный огрызок Сахар даже ухватил зубами за холку ослика Фантома, а потом долго стоял с ошалевшим видом, точно собирался

писать стихи.

К удивлению многих, Сахара быстро удалось объездить и пегом он оказался золотым – выносливым и неприхотливым, хотя и не особенно резвым. В нырок он входил мягко и рассудительно, без внезапных провалов, которые делали такими опасными нырки на нервных чистопородках Митридите или Азе, вследствие чего шныр всегда имел шанс, не успев слиться с ними, размазаться по земле. Нет, Сахара никак нельзя было назвать эгоистом. О своем наезднике он заботился почти инстинктивно – редкий дар, который вообще не воспитывается у пегов и либо есть, либо нет. Одним словом, если не считать привычки повсюду объедать отслоившуюся краску, из-за чего он уже дважды приклеивался языком к железным воротам, Сахар был идеален.

Оседлав Сахара, Сашка вывел его из пегасни. Пег фыркал и скалился, запоздало проявляя мужество. Только что, когда они проходили мимо денника Зверя, тот, коварно высунув морду, едва не оставил Сахара без уха. Сашка решил, что обязательно потребует у Штопочки, чтобы она ставила Зверя куда-нибудь подальше, ну хоть бы в конце прохода, где полно пустых денников. Хотя со Штопочкой говорить – что с эхом ругаться. Конечно, ей хочется поближе к амуничнику, щеткам и овсу, чтобы и поить было просто, и по пегасне лишних метров не наматывать. Скажет: «Я, что ли, на твоего Сахара набросилась? Все! Не волнует! Хочешь отомстить – иди сам Зверю ухо отгрызи!»

Сашка сел в седло и, прогревая пега, сделал шагом круг. Сахар тащился неохотно, нюхал снег, а затем вдруг остановился у скамейки. Сашка понял зачем только тогда, когда увидел, что от морозов со скамейки начала слезать краска.

– А ну иди! – крикнул он. – Давай!

Сахар неохотно пошел по цельному снегу, с тоской оглядываясь на скамейку. Эту скамейку Макс с Афанасием осенью свистнули из парка игольного завода в Копытово. Кавалерия назвала это мародерством и велела скамейку немедленно вернуть, однако Кузепыч неожиданно принял сторону скамейкоумыкателей. Мол, в Копытово, елки страшные, ее все равно раскапустят, а если нет, то бомжи зимой сожгут на топливо, а если не бомжи, то дачники покусятся. Дачники – они, якорный пень, хуже бомжей. Имеют транспорт и потому тырят даже то, о чем бомжи и мечтать не могут. Один дачник стырил даже памятник поэту Есенину и, засунув его на участок в шесть соток, любовался на него вместе с женой. Когда же явилась полиция, заявил, что Есенина ему подбросили через забор соседи.

В общем, обычно немногословный Кузепыч развел такую революцию, что Кавалерия не нашлась что возразить и скамейку пока оставили в ШНыре для охраны ее от дачников.

Сашка прошел еще два круга шагом и перевел Сахара на рысь. Якутский пег разогревался неохотно, ожидая, когда закончится глупая формальность и можно будет взлететь. С рыси Сахар перешел на галоп, несколько раз вхолостую взмахнул крыльями и оторвался от земли. Высоту он набирал медленно, точно рассуждая сам с собой: «А что, мы куда-то торопимся?» Сашка хотел ускорить его, но в движениях Сахара была такая неспешная уверенность, что они уже повсюду успели, что Сашка невольно подчинился ей, решив поберечь силы пега.

Порыв ветра толкнул Сашку в щеки, лоб, грудь. Ветер был такой резкий, что невозможно стало дышать. Сашке это казалось нелогичным. Вроде бы при ветре в лицо дышать должно быть проще. Но, оказывается, совсем наоборот. Ощущая, как деревенеет лицо, Сашка вертел головой, обманывая ветер. Впечатления были дробные. Утро. Лес. Шоссе. Копытово. Поселок гидрологов. Еще темно. Плоским неоформленным пятном светлеет вдали Москва. Лежит, уставшая сама от себя, окруженная ярким кольцом МКАД, шевелит прожекторами, дыбится механическими шестернями новостроек, выбрасывающими из подземья все новые и новые дома.

Сашка старался не смотреть в ту сторону. Хватит ему пока Москвы. И так пару раз в неделю приходится ездить в город и перекладывать боевые закладки для ведьмочек Белдо. Да и берсерки летают на гиелах не так смело, когда знают, что каждое мгновение могут оказаться над одним из «сюрпризов». Чаще всего это большие куски скальной породы, подобранные поближе к Межгрядью. Весит каждый такой кусочек килограммов тридцать, и доставлять их с двушки – мука адская. Ни на седло положить, ни в рюкзак засунуть. По этой причине число их ограничено. Вместе с точками Юг, Север, Запад и Восток и десятком неприметных опорных пунктов это элементы шныровской обороны Москвы.

Боевые закладки имеют столько разновидностей, что одно только введение в теорию боевых закладок читается целый семестр. Читает его Кавалерия, а иногда ее заменяет Вадюша, и тогда всем шнырам поголовно хочется стать ведьмочками, чтобы досадить этой ходячей толстенькой добродетели.

Сашка летит. В полутьме грива пегга поблескивает бусинами льда. Такие же бусины – на лохматой шерсти шеи. Сашка пытается отодрать одну бусину, но перчаткой не ухватишь. Да и Сахару неприятно: вон он ушами дергает. Огромные крылья ходят равномерно, как весла, с кратким замиранием в момент, предшествующий мускульному толчку. Порой Сашке кажется, что он вот-вот услышит звук уключин. По спине пегга пробегает дрожь. Это напрягаются длинные мышцы, тянущие крылья. Строение этих мышц какое-то уникальное. Кавалерия говорит, что если бы у человека мышцы содержали такие же волокна, то пятилетний ребенок легко забрасывал бы парковую скамейку на балкон третьего этажа.

Сашка напряженно озирается, хотя больше доверяет сейчас зрению и слуху пегга. Сахар – пег лесной, с острым чувством опасности. Иной раз и от птицы на всякий случай шарахнется. Они продолжают набирать высоту. В восходящем потоке теплого воздуха, в этом общем для всех небесном подъемнике к ним пристраиваются две вороны и до того издегивают Сахара, вертятся у него перед самой мордой, что приходится отпугивать их из шнеппера.

Боевых двоек на гиелах не видно. Берсеркам тоже можно посочувствовать: караулить шныров ранней весной – удовольствие ниже среднего, даже если ты в хорошем термобелье и в рюкзаке у тебя термос с горячим кофе. В небе-то все равно не согреешься: любое тепло выдувает за пять минут, да и гиелы не любят холода. Шерсть у них для морозов все же коротковата, на кожистых крыльях слишком много разветвленных кровеносных сосудов – кровь быстро выстуживается. С пеггом та же история, но все же пег потяжелее и ему не нужно торчать в небе всю трехчасовую смену. Пролетка – набор высоты – нырок. А дальше все уже совсем другое.

Подъем на нужную высоту занял у неторопливого Сахара минут двадцать. Под конец Сашка совсем одеревенел. Все мысли смерзлись в одно-единственное желание тепла. Он даже не помнил, сам ли толкнул Сахара, давая ему команду на нырок, или пег сам почувствовал, что пора.

Несколько секунд спустя они уже неслись к земле, стремительно набирая скорость. Шоссе свилось в петлю. Поселок гидрологов спешно переставил три свои девятиэтажки и поменялся местами с Копытово. Покрытый изморозью Сахар, у которого успела вырасти снежная борода, с каждым метром тяжелел, обретал особую плотность. Сашка затруднился бы это описать.словно ты становишься призраком, который знает, что сидит на чем-то живом и

настоящем, и потому стремится любой ценой вжаться в это живое и настоящее. Тест на разброс. Спешу за пегом – или опоздаешь, и тогда граница мира пропустит только пегу, а ты останешься на поле вместе с сорванным седлом.

Сашка обхватил шею Сахара руками. Земля была близко. Сахар мягко накрыл его сложенными крыльями. Знал ли он, что делает, или просто берег крылья от ветра? За сотню метров снежное поле размазалось, стало нечетким, а еще несколько мгновений спустя Сашка ощутил, как покинутый мир скользнул по его плечам, точно сдернутый плащ.

Впереди бесформенно шевелилось болото. Сашка спешно сделал несколько глубоких вдохов. Центр «раковины» бурлил. Ураган выбрасывал клочья пены. Напротив, вокруг «раковины» болото казалось заманивающе спокойным. Едва Сашка об этом подумал, как вдруг понял, что болото – это не болото, а море, и даже разглядел на нем белые паруса яхт. Надо же, как разводят народ! А он-то всегда считал, что это вонючая застывшая слизь мертвого мира. Сашка нетерпеливо наклонился вперед, спеша получше рассмотреть море, и отсыревшее крыло пегу хлестнуло его по лицу. Сашка очнулся, поняв, что едва не попался! А ведь они еще только в Межмирье. Оказывается, и здесь можно надыхаться!

Сахар хитрил. Отворачивал морду, забирал в сторону. Лететь в клокочущую «раковину» ему не хотелось. Опасаясь, что он снизит скорость и набрать ее в дряблом воздухе они не смогут, Сашка закричал на пегу. Ослабленный разряженным воздухом, голос потерялся и прозвучал совсем жалко. Не то что пегу – кошку не напугаешь. Пришлось объясняться с Сахаром при помощи шенкелей. Хоть и неохотно, тот все же послушался, и вскоре, окунувшись в пену, они уже неслись по узкому проходу, пробуравленному вечным течением. Ветер исчез. Все здесь было остановившееся, затхлое.

Сверху и снизу, слева и справа – повсюду, где болото окружало тоннель, дрейфовали медлительные серые фигуры. Прижимались к стенкам, распластывались на них. Пег больше не нуждался в подбадривании. Как и Сашке, ему хотелось поскорее вырваться отсюда. Лететь Сахару было тяжело: перья заламывались от напряжения. Сашка старался не дышать, не думать, не смотреть. Кусал натянутый на губы и нос шарф. Шарф был кислый, пропитавшийся болотом. Воздух в легких заканчивался. Пришлось дышать тем, что было, и сразу затеялась какая-то чертовщина. Острое чувство тревоги заставило Сашку открыть глаза. Он увидел своего отца, трясшего за плечи

больную мать, которая кричала на отца, что он алкоголик. Мать звала Сашку на помощь, а потом обернулась, и он понял, что это не мать, а Рина, а отец превратился в Гамова. К счастью, эльбы что-то перемудрили с изображением кухни, и Сашка, готовый броситься с седла на плечи Гамову и бить его, бить, бить, внезапно осознал, что холодильник представляет собой цельный куб и открыть его невозможно, а у стола всего одна ножка.

Опомнившись, Сашка сам подставил лицо под крыло пегга. Влажные перья хлестнули его, и все видения рассыпались. Эльбы заметались. Несколько дряблых фигур в раздражении метнулись к одной и стали наползать на нее, точно желая разодрать на части. Сашка догадался, что это тот эльб, который отвечал за стол и холодильник и теперь должен был понести за это наказание. Фигура ворочалась, защищалась. Чем закончилась эта схватка, Сашка так и не узнал. Пег пронес его, и еще минуту спустя, когда Сашка совсем уже задыхался от вони, что-то легко толкнуло его в лицо, и мир снова стал наполняться красками и жизнью.

Двушка! Слизь болота быстро таяла на куртке. Скатывалась шариками, исчезала. Впереди надеждой брезжил утренний свет – там была Первая Гряда. С каждым взмахом крыльев она становилась все ближе. Накрененные стволы сосен безошибочно указывали направление. Наверное, и соснам хотелось к свету, но сдвинуться с места они не могли и тянулись вершинами.

Сашка смотрел вокруг. Жадно и глубоко дышал и все никак не мог наполниться воздухом. Мысли оттаивали. Убыстрялись. Приобретали четкость и блеск. Кавалерия как-то сказала, что на двушке люди умнеют. Человек не то чтобы меняется, но становится глубже и полноводнее, как весенняя река.

Сашка пил двушку глазами: небольшие полянки, речушки, шерстяную шероховатость протянувшегося под ним леса, по которому хотелось провести ладонью или коснуться его щекой, – и все пытался сформулировать, что здесь его привлекает. И понимал, что привлекает незавершенность. Их мир закончен и даже начал частично разрушаться. Исчезли многие звери, птицы и рыбы, загрязнялась вода, таяли ледники. «Посыпалась тушка! Пора завязывать!» – говорили в таких случаях на боксе. Болото не только завершено, но уже и уничтожило себя. Этот же мир был новый и незаконченный. Как скульптор, лепящий из глины, набрасывает на свою работу мокрую тряпку, чтобы глина не растрескалась, так и на этот мир словно было наброшено покрывало незавершенности.

Недоставало каких-то штрихов. Несколько движений мастера, одаривающее жизнью дыхание, – и этот мир вспыхнет и заиграет.

Сашке стало жарко. Поддетые под шныровскую куртку свитера сделались помехой. Не слезая с седла, он принялся разоблачаться и дораздевался до того, что упустил один из свитеров и едва не выронил куртку. Сашка с сожалением скользнул глазами по удалявшемуся свитеру. Свитер падал неровно, то надуваясь от ветра, то скатываясь в тряпочку. Он был белым и чем-то напоминал подстреленную чайку.

Вскоре Сашка был у Скал Подковы. Правда, не там, где всегда. Сахару не хватило опыта, а Сашке – знания местности, чтобы его направить. От обычного шныровского прииска он отклонился километров на двадцать. Места были незнакомые. Скалы ломкие, сероватые, с глинистыми и песчаными вкраплениями. Отдельные гигантские глыбы далеко отбежали от основной гряды и торчали из земли, врезавшись в нее острыми краями. Будь с Сашкой Рина, она бы сказала, что здесь буянил титан, пробивавший сквозной проход через Первую Гряду. Крошил скалы, отламывал, в гневе отшвыривал – и вот следы его ярости.

Первым побуждением Сашки было лететь вдоль гряды, но потом он подумал, что привычный прииск – хорошо, но почему бы не поискать и здесь? Он снизился и привязал Сахара к одинокой сосне, далеко выступившей из общего строя, точно для того, чтобы облегчить шнырам жизнь. Пег сразу задрал морду и стал покусывать сосновый ствол, охотясь за каплями смолы.

– Что? На краску похоже?

Сашка отстегнул саперку и, небрежно помахивая ею, пошел к скалам. Он шагал неторопливо, ощущая себя заправским шныром, заранее уставшим от спасения человечества и прочей подобной рутины. Ну двушка! Ну нырок! Я вас умоляю! О том, что недавно от болота его спас только цельносварной холодильник, как-то не вспоминалось.

Поначалу Сашка просто петлял между раскрошившихся глыб. Порой начинал копать то там, то здесь, но почти сразу саперка ударялась о камень – и он понимал, что он на голой скале, лишь кое-где прикрытой почвой. Наверное, потому шныры и искали здесь так редко, что место уж больно капризное. Если

здесь и есть закладки, надо переверачивать все валуны, и неизвестно еще, будет ли толк.

Чтобы разобраться в этом, Сашке потребовалось минут тридцать. Упрямство мешало ему признать, что он принял неверное решение. Пока доберешься до пега, пока отыщешь основной прииск, время пребывания на двушке истечет и придется возвращаться с пустыми руками.

Все же Сашка вернулся бы к пегу, если бы на глаза ему не попался гигантский, не меньше чем с трехэтажный дом, валун. Он лежал на боку. Под валуном, в той глубокой яме, которую его основание занимало перед падением, Сашка обнаружил следы старого раскопа. Кто-то воспользовался работой, которую выполнил за него валун, чтобы облегчить себе процесс. Сашка же теперь решил воспользоваться работой того, кто воспользовался падением валуна. Поиски в старых раскопах не считались у шныров зазорными. Некоторые искали только в них, и весьма неплохо. Сашка слышал кучу историй о том, как ценная закладка оказывалась в стенке брошенной ямы, которую сочли бесперспективной, и обнажалась, когда яму начинали расширять.

Сашка провел в раскопе часа два. Порядочно изувечил стенки ямы, изрыл ее как крот, натыкался на скальные выступы, обзавелся водянками – и все впустую. Сашке становилось все жарче. Куртку он давно стащил. Майку тоже снял и работал голым по пояс. Его уже начинало шатать. Надо было хоть немного отдохнуть. Можно, конечно, признать поражение и возобновить поиски через пару дней, но возвращаться с пустыми руками Сашке не хотелось. Встать затемно, едва не остаться в болоте – и вернуться ни с чем, с одной головной болью и содранными ладонями, притворяясь, что тебе все равно? Синяя закладка – ладно, тут понятно, но не найти с первого нырка красную считалось среди старших шныров несолидным. Сашка же всегда равнялся на старших.

«Нет! – подумал Сашка. – Буду искать!»

Вспоминая, нет ли поблизости ручья, в котором можно немного охладиться и продлить свое пребывание на двушке, Сашка выбрался из ямы. Таща саперку, казавшуюся теперь тяжелой, как лом, он побрел к сосне, к которой привязал пег. Вышел из-за камней, закрывавших ему обзор, и остановился, недоверчиво моргая. Может, он что-то перепутал? Сосна была на месте, и это было прекрасно. Обнадеживающе так. Но все равно какой-то мелочи не хватало. И этой мелочью был похожий на котлету якутский пег.

Сашке было еще не страшно. Страх приходит не сразу. Он сказал себе, что, конечно, Сахар просто зашел за дерево. Или это не та сосна. Или... Последние метры он несся как сумасшедший. Дважды обежал сосну. Потом, уже ощущая слепой и глухой ужас, зачем-то наклонился и посмотрел в траве, точно пег был такой мелочью, что мог затеряться между травинками.

Разглядывая сосну, Сашка заметил на коре круговой счес. Все стало понятно. Охотясь за каплями смолы, Сахар бродил вокруг сосны и дергал мордой, пока повод не развязался. Сашка попытался проследить направление движения пега по отпечаткам копыт, но они были здесь совершенно везде.

Сашка вытер с лица пот и стал думать, что делать дальше. Конечно, рано или поздно его будут искать – но вот найдут ли? Двушка огромна, а он даже не на Прииске.

Решив не паниковать и отлежаться в ручье, Сашка бросил у сосны свою куртку, чтобы другие увидели, что он здесь был, и побрел к лесу. До сосен оставалось с полсотни шагов, когда Сашка стал отчетливо различать непонятные звуки. Казалось, кто-то, стараясь остаться незамеченным, негромко стучит по камню. Замирает на несколько секунд, оглядывает свою работу и опять начинает стучать. Потом в звуках наступил перерыв, зато из травы впереди Сашки выглянул и сразу скрылся непонятный горб. Сашка остановился, не зная, что думать. Живое существо на двушке? К тому же существо, судя по размерам горба, немелкое.

Сашка стал осторожно подкрадываться, на всякий случай держа наготове саперку. Он был шагах в пяти, когда горб появился снова и кто-то очень знакомо фыркнул.

Это был старый раскоп, почти заросший, со сглаженными пологими краями. Не самый заметный, мало чем примечательный раскоп, который можно было обнаружить лишь вблизи. Сахар стоял в раскопе. Его передние копыта и морда находились внизу, круп же торчал из травы наискось, точно поплавок, грузилом коснувшийся дна. Крылья были в земле, равно как седло и спина. Пега очень интересовал огромный плоский камень, занимавший все дно ямы. Поверхность камня была покрыта желто-зеленым мхом, который пег отщипывал зубами. С одной стороны под камень вел узкий лаз.

Опасаясь, что пег удерет, Сашка прыгнул и животом перевалился через седло, которое было на уровне земли. Сахар недовольно оглянулся и попытался зубами ухватить Сашку за ногу. Тот воспользовался этим и, поймав повод, вывел пега из раскопа.

Сашка отвел его на прежнее место и привязал так крепко, что теперь пег смог бы уйти только вместе с сосной. Но и этого Сашке показалось мало. На всякий случай он стреножил Сахара и надел на крылья фиксирующие ремни. Все, дружок, попутешествовал! И лишь потом вернулся к яме.

Спустившись, он присел на корточки и заглянул в лаз. Узковато! Но, пожалуй, если немного расширить, вполне можно протиснуться. Наполовину засыпан был только вход, куда земля постепенно осыпалась по стенке ямы, дальше лаз должен был сохраниться.

Сашка пустил в ход саперку. Работа продвигалась тяжело: мешало множество мелких камней, которые приходилось выбирать руками, иначе он угробил бы саперку. Дважды Сашка вылезал на поверхность, собираясь все бросить. Когда человек смертельно устал, ему выгодно поверить в то, что позволит перестать барахтаться и оправдывает поражение.

Но упрямство побеждало, и Сашка снова лез в яму. Водянка на правой руке лопнула. Сашка лизнул ее. Вкус у водянки был солоноватый. Чтобы работать дальше, Сашка нашел свою майку, оторвал от нее полосу и замотал руку. Ладонь сразу стало щипать: майка была сырой, и пот разъедал рану. Эх! Была бы у него лопата посолиднее, вроде тех, которыми копают колодцы! Лопата тяжелая, поднять ее непросто, зато землю режет, как нож масло.

Сашка вспомнил рассуждение Ула, что вот не умеют шныры жить. Ну свалили бы пару десятков сосенок, построили у Первой Гряды сарайчик. В сарайчике гамачок на предмет поваляться, бочка с водой, аптечка первой помощи и большой запас всевозможного землеройного инструмента. Лом большой, лом маленький, кирка, разные лопаты на выбор.

– А экскаватора тебе. Не надо, – поинтересовался Меркурий.

От экскаватора Ул великодушно отказался:

– Не, его разбирать надо, по деталям проносить. Половина еще небось расплавится... Шланги, прокладки, шняга всякая. Проще поселить у гряды пару десятков узбеков. Пусть копают, а закладки приносят прямо ко входу на двушку.

– Зачем ко входу. Наладить транспорт. Еще один узбек. Ездит туда-сюда через болото. На велосипеде, – сказал Меркурий.

И так он это произнес, что всем представился крепкий и веселый парень в жилетке, который, насвистывая, едет через болото с полной сумкой закладок, а эльбы тупо смотрят на него сквозь оплавленные стенки прохода.

Воспоминание о том разговоре развеселило Сашку. С минуту он отдохнул и опять полез в яму. Наконец ему удалось расширить лаз настолько, что стало возможным в него протиснуться. Он лег животом на землю и пополз, таща за собой саперку. Первый метр протискиваться было сложно, потом проход расширился и Сашка даже сумел немного приподняться. Теперь он полз на локтях, помогая себе коленями.

Сашка полз и полз, а лаз все не заканчивался. Сашку это начинало тревожить. Он понимал, что давно выполз за пределы той ямы, в которой поплавком торчал обжора пег.

«А если это вообще не камень, а подземный язык, который идет от гряды?» – подумал Сашка.

Он прополз еще с десятков метров и вдруг, совершенно неожиданно для себя, уткнулся во что-то лбом. Озадаченный, он долго шарил ладонью, пока не убедился, что все, никаких поворотов нет – перед ним конец тоннеля. Стоило так долго стараться, чтобы приползти в тупик. Сдавленный лазом, Сашка подался немного назад и, похолодев, остановился.

КАК ОН ОТСЮДА ВЫБЕРЕТСЯ?

Назад ползти гораздо тяжелее, а развернуться здесь негде. Не сдаваясь, Сашка все же попытался ползти и убедился, что его худшие опасения оправдались. Метр в минуту, не больше. Узкие стенки хода сдавливали плечи, мешали двигаться быстрее. А тут Сашка еще понял, что начинает задыхаться. Кожа была раскалена, время пребывания на двушке истекало.

Сашка барахтался, не желая признать, что обречен. Знал, что, если перестанет барахтаться, будет только хуже. Пока барахтаешься, можно еще на что-то надеяться.

«Помоги мне! Пожалуйста! Я же пришел на двушку для тебя! Ты сам позвал меня, прислав ко мне пчелу!» – прошептал он. Сашка не знал, к кому он обращается, даже откуда к нему пришла мысль просить, но ощущал, что его слышат и что тот, кого он просит, ближе его собственной кожи. Чувство это было кратким, но острым. Потное, почти вскипевшее от жары тело коснулась прохлада.

Сашка поднес к лицу руку. Грубая кожа нерпи оцарапала ему нос. Сашка осторожно приоткрыл глаза, которые держал закрытыми, потому что в них сыпался песок. Рука слабо светилась. Неиспользованные фигурки нерпи серебрились в полумраке. Их мягкий свет шевелился как живой.

«Ну конечно! – подумал Сашка. – У меня заряженная нерпь, а я тут панику развожу!»

Теперь Сашке казалось, что о нерпи он вспомнил сам. Это же так элементарно! Если бы речь действительно шла о чуде, произошло бы что-нибудь глобальное. Разверзлась бы земля, забил бы горячий источник или камень оказался бы яйцом дракона. А тут просто излечили от склероза...

Сашка потянулся ко льву, но понял, что огромный скальный язык ему не отбросить и львом, и потому выбрал русалку и заставил ее брызнуть светом. Свет русалки был слабым – как от экрана плохонького мобильного. Удивительным было другое: ему явно отзывался какой-то иной, трепетный свет. В конце тоннеля, в небольшой выдолбленной нише Сашка увидел шесть камней. Узнал малахит с какой-то примесью. Яшму. Известняк. Песчаник. А это что-то черное. Уголь? Или кварц?

Сашка испытал возбуждение рыбака, уловившего в монотонной ряби поплавок новое обещающее движение. Не решаясь касаться камней, он навис над ними, опираясь на одну руку и подсвечивая себе другой. Поднес нерпь ближе, и камни зашевелились отраженным живым светом – кратким и едва уловимым. Четыре закладки отливали синим и две – красным. Кто принес их сюда? Когда? Почему не вернулся за ними?

Рядом с закладками лежал ржавый обломок лопаты, очень мало похожей на саперку. Сашка озадачился, но лишь на миг. Глупо считать, что первые шныры использовали саперки. И еще глупее предполагать, что саперные лопатки – идеал лопатостроения.

Брать камни в руки Сашка не решился. Лишь поочередно коснулся каждой синей закладки пальцем, точно робкий пианист, пробующий дорогой рояль.

Ощущая прикосновение, закладки поочередно вспыхивали, показывая ему себя. В одном из камней высветилось нечто, напомнившее Сашке улитку, и лишь несколько мгновений спустя он разобрался, что это молодой, туго скрученный лист папоротника с полыхавшей в нем силой рождения. В другом камне пылали две синие ягоды, очень похожие друг на друга. Ягоды равномерно пульсировали светом, при этом одна ягода на долю секунды опережала своей пульсацией другую. Казалось, она зажигает ее и ведет за собой. В третьем камне таилась часть ножки гриба. В четвертом пушилось крохотное, не больше ногтя мизинца, перо. Сашка касался его дважды, пока не убедился, что это действительно перо. Но не верхнее, жесткое, а нижнее, пуховое. Вот только чье? Разве на двушке есть птицы?

Засмотревшись, Сашка не заметил, что уже долго держит палец на закладке. Сияние от пера дотянулось до края камня, коснулось ногтя и поползло по суставу. Сашка вскрикнул и отдернул руку. Контакт с закладкой был потерян, но палец все равно продолжал сиять. Сияние отступало медленно, неохотно.

Сашка понял, что, если возьмет эту закладку, всякое сердце отзовется ему. Чувство самосохранения, этот благоразумный трус-перестраховщик, забьется в свою крысиную нору. Животные будут бежать в огонь и сгорать, если он этого пожелает. Люди станут слушать каждое его слово. Даже если это слово безумно, они все равно увидят в нем смысл. Он скажет армии: «Идите и умирайте!» – и никто не усомнится, не повернет назад. Женщины будут смотреть на него влюбленными глазами – и любой его недостаток в этих глазах будет превращаться в достоинство. Нос с горбинкой – благородство и порода. Сломанный нос – мужественная красота. Нос кнопкой – жизненные силы природы. Вообще нет носа... хм... многозначительная недоговоренность, вмещающая все смыслы подряд! Даже Алиса, вечная шныровская оппозиция, которая считает величайшей заслугой, если она просто зажгла под супом газ, с вилкой побежит на отряд берсерков, если он, Сашка, ее пошлет.

Озаряющее палец сияние окончательно померкло, и Сашка почувствовал, что рука его вновь невольно тянется к камню. Вот чего ему не хватало всю жизнь! Ощущения успеха! На него все рявкали: и в школе, и дома, и на улице. Всякая мелкая дрянь желала показать, какая она крутая! Не для того ли он пошел на бокс, чтобы поверить в свои силы? Чтобы запретить миру держать себя за головастика, которому все кому не лень указывают, в какой луже ему плавать? Как досадно жить, боясь идиотов, бригадами населяющих мир! Мелкого начальства, контролеров в электричках, нервных уборщиц, автовладельцев на бешеных гробах и всякой прочей швали, которая так и норовит хоть в чем-нибудь тебя ограничить и хоть чуток, но тобой «руководнуть»! А тут все будет по-другому! Оставь он себе эту закладку – и drobный мир наконец обретет строгую системность, которая так нравилась Сашке.

Палец вновь коснулся камня. На этот раз синее сияние устремилось по нему мгновенно. Сашка и опомниться не успел, как оно охватило уже всю руку до кисти. Сашку выручило то, что другая рука, на которую он опирался, подогнулась и он завалился набок. Он лежал и смотрел на закладку. Синяя закладка медленно погасала. Перо постепенно тускнело. Вначале затухло сияние камня, потом от пушистого пера осталась только сияющая сердцевина. Остывала закладка, а вместе с ней остывал и Сашка.

Нет, если он возьмет ее, ШНыр его больше не пустит, а там, за его оградой, окажутся и пеги, и вся сегодняшняя жизнь, и Рина. Мысль, что он лишится Рины, подействовала на Сашку отрезвляюще. Прощай, Рина! Здравствуйте, ведьмари и живой консерв Гай! Нет, извините, но это не равноценно! Перо останется здесь, не за ним его послали!

После короткого колебания Сашка взял одну из красных закладок и, сунув ее в сумку, стал выбираться наружу. Даже со львом это оказалось ему едва по силам. По пути он несколько раз терял сознание, но кратковременно, потому что, очнувшись, понимал, что так и не переставал ползти. Он полз и полз, отвоевывая у тоннеля сантиметр за сантиметром. Пальцы ног, которыми он упирался о землю, сводила судорога. Было так жарко, что Сашка даже не столько потел, сколько сухо задыхался. Казалось, тело у него такое горячее, что выжигает в тоннеле воздух. Перед глазами плясали красные круги. Лев уже погасал, а русалка была давно истрачена, когда полуживой Сашка выбрался из тоннеля и добрал до пега.

Более или менее он пришел в себя только на границе двушки. Здесь, в серости вечного рассвета, Сашка долго лежал на росистой траве, набираясь сил для прохождения болота. Сахар мирно пасся рядом, спеша набить в свое далекое от стройности брюхо побольше травы. Ценности у него были неизбежно зоологические, далекие от сомнений страдающего разума: поел – поспал – снова поел. Если представилась возможность – размножился. Если напали – врезал копытом или попытался улететь. Если не улетел – то что ж тут поделаешь? Значит, умер, и тогда тем более можно не заморачиваться.

Болото Сашка прошел без дополнительных приключений. Он слишком устал, чтобы оценить буйство больной фантазии эльбов. Вся обратную дорогу он колебался, говорить ли ему Кавалерии о тайнике с закладками. Что-то удерживало его, и это что-то, скорее всего, было обычным тщеславием. Сашка интуитивно осознавал, что эти четыре синие закладки – настоящее сокровище и что, если он сумеет протащить их через болото – пусть не сейчас, пусть позднее, – это увеличит его авторитет среди старших шныров. Не просто увеличит – мгновенно введет его в их ряды. Кто еще приносил такие закладки? Макс? Афанасий? Да никогда в жизни! Ул? Яра? Эти еще возможно, но тоже как исключение. Такие закладки – это уровень Кавалерии и Меркурия.

Если же Сашка просто сообщит, что нашел их, то тут... Ну похвалят! Может, даже похлопают по плечу – мол, везучий ты! Но какой тут авторитет? Средние шныры, эти гады ползучие, непременно вякнут что-нибудь вроде: ну да, повезло человеку. Дуракам всегда везет, потому что кто, кроме дурака, полезет в осыпающуюся щель под камнем?

И Сашка решил помалкивать. Не то чтобы злостно умалчивать, а так, отвечать только на поставленные вопросы... Спросят: ты что, нашел тайник кого-то из шныров? Он скажет: да, нашел. А не спросят, так он и не скажет.

Вернувшись в ШНыр, Сашка снял седло, сдал Сахара в заботливые руки дежурных по пегасне и пошел к Кавалерии. Его пошатывало. Все-таки надышался болотом на обратном пути. Кавалерия мастерила Октавию ошейник, используя кожу, ножницы и шило.

– Вернулся? Ну и как успехи? – спросила она.

Сашка протянул Кавалерии красную закладку. Она взяла ее не сразу. Потом все же взяла и долго держала на открытой ладони, разглядывала и молчала. Закладка ярко полыхала внутри, заливая руку и озаряя наклоненное к ней лицо.

- Ну как, подходит? - с надеждой спросил Сашка.

Кавалерия не ответила.

- Она же красная!

Сашку поражало не только молчание Кавалерии, но и то, что она держит закладку, не боясь с ней слиться. Хоть бы перчатку надела! Порой сияние, точно проливаясь, выплескивалось на ее ладонь и сразу втягивалось обратно.

- Она не красная, - сказала Кавалерия. - Ты что, не видишь, насколько она насыщеннее по цвету? Она алая!

- А красная не алая? - осторожно уточнил Сашка.

- Алая - это алая!

- Но она подходит? Я выполнил задание?

Кончиком мизинца Кавалерия приподняла очки. Потом убрала мизинец, и очки упали на прежнее место.

- Не хочу навязывать свой взгляд на вещи, но если человека послали купить лопату, а он вернулся с экскаватором, то задание он не выполнил.

- Почему?

- Все же, согласишься, разница есть. Однако... - тут Кавалерия улыбнулась, и лицо ее, осветившись улыбкой, само вспыхнуло как закладка, - спорить не буду: алая много лучше красной! Мы используем ее в отчаянно сложных случаях, где сил обычной красной не хватило бы. Но где ты ее нашел? До Первой Гряды таких нет. Ты же не летал за гряды?

- Н-нет.

Кавалерия кивнула:

- Значит, искал у самой скалы, в россыпи? Так?

Сашка издал звук такой степени смазанности, что сам не смог бы понять из него, искал он у скалы или не искал. К счастью, Кавалерия и не ждала ответа. Она вновь уже смотрела на закладку.

- Исключительное везение! Обычно за алыми закладками ныряют по два года. Учитывая же, что действующих шныров у нас мало, мы вообще не позволяем себе такой роскоши. Их находят случайно, обычно под Козырьком.

- Где-где?

- Там, где ты ее нашел. У вершины Первой Гряды есть ступенька, которую мы называем Козырьком. Скала там непрерывно осыпается. Только под ней попадают алые закладки.

- А почему мы не ныряем на сам Козырек?

- Не к чему привязать пега, даже посадить его негде. Козырек узкий, дикие ветра. Да и не факт, что там все усыпано алыми закладками. Скорее уж закладки в самой породе, если попадают в осыпи.

Сашка любил сложное планирование.

- А если лететь вдвоем? Оставить одного пега внизу привязанным... подняться на другом, посадить десантника, а потом...

Кавалерии идея понравилась. Можно сказать, вызвала восторг:

- Блестяще! Десантник находит закладку и прыгает со скалы в седло товарища!
Так?

- ...Э-э... Да!

- Промахивается и, благодаря тебя за свежую идею, летит на встречу со своим пегом, который, по твоему описанию, остался привязанным где-то внизу! Метров так восемьсот летит, если мне не изменяет пространственная память.

- А если не промахивается?

- Размах крыльев пегга хорошо представляешь? А скорость его полета мимо скалы? Пег не вертолет, чтобы зависать. Не промахивается - значит, попадает под крыло пегга или случайно хватается за его маховые перья. Эдак за два-три пера сразу, чтобы клякс под скалой стало больше. Больше клякс - больше творчества.

Видя огорченное лицо Сашки, Кавалерия шагнула к нему и ладонью, в которой держала алую закладку, погладила его по рукаву шныровской куртки. На несколько мгновений грубая кожа смягчилась и стала как живая. Сашка увидел ее переливающейся, сияющей, серебристой. Необычайно легкой и одновременно прочной. Кожей полетов, мгновенных вспышек пламени и сражений.

Кавалерия опустила руку с закладкой. В ее глазах плескалась мечта, в которой растворялись и боль, и время.

- Когда-нибудь Первая Гряда станет не нужна и рухнет, - храня в голосе надежду, сказала она. - Слепляющий свет Межгрядья хлынет и зальет все до самого болота. А там кто знает... Возможно, болото испарится, не вынеся света, а свет хлынет через проход и доберется до человеческого мира, мгновенно обновив его.

- Когда это будет? - спросил Сашка.

- Не знаю. Через сто лет, через тысячу, через миллион! Но в любом случае - разве это долго, если ждешь чего-то хорошего?

Глава вторая

Трагедия паучка и торжество комарика

Девушки, которые любят гениев, часто ошибаются. Они не понимают, что у гениев скверный характер, они грызут ногти, всегда сидят спиной к компьютеру, на вопросы отвечают невнятно, едят тушенку из банок, у них торчащие лопатки и всклокоченная голова. Если же гений, которого любит девушка, выглядит как-то иначе, имеет чистенькую голову, милую улыбку и трогательно играет на гитаре, то, скорее всего, это просто талант. Что, конечно, тоже неплохо.

Йозеф Эметс

Вадюша стоял у схемы маршрутов московских троллейбусов и самовлюбленно гладил себя по красной курточке. Раньше у него была желтая курточка, а недавно он прикупил еще и красненькую, и конечно требовалось все время ее гладить, чтобы курточка приручилась и полюбила Вадюшу хотя бы вполовину так же сильно, как он любит сам себя.

Приручение курточек было лишь одной из Вадюшиных граней. Он всегда был такой. Еще в школе мучительно гонялся за оригинальностью. Спал в шкафу на полке, писал домашку невидимыми чернилами и ужасно страдал, когда вынужден был делать нечто обыденное, например ехать в школу на трамвае.

Приласкав курточку, Вадюша погладил заодно и схему (вдруг ей будет обидно?), а затем загородил ее упитанной спинкой.

- Где с 59-го троллейбуса можно пересесть на 19-й? Ну, быстро! Три, два, один!

В памяти у Рины вяло шевельнулось и сразу задремало какое-то недоученное знание. Прочие младшие шныры, размазавшиеся по единственной большой аудитории, попытались подглядеть, однако неспортивной спины Вадюши с лихвой хватало, чтобы прятать самое важное.

- Не трогаем русалок, и Интернет тоже не терзаем своей тупостью!

Подсказываю! 59-й идет от улицы Генерала Глаголева до метро «Сокол», а 19-й – от Крылатского до метро «Сокол». Улавливаете мою гениальную мысль?

Влад Ганич втянул ноздрями воздух, однако гениальную мысль Вадюши упустил и уловил лишь подгоревшую рыбу Суповны. Определить, что рыба подгорела, самой Суповне мешал насморк. Гоша же и кухонная Надя, имея большой опыт, молчали в тряпочку. Если сказать – последствия будут ужасные. Суповна решит, что это намек на то, что она плохо готовит. А раз плохо готовит, то она больше не нужна. Берегись, зыло! Добро берет топор!

– Ну? Кто знает? Я же подсказал! – потерял терпение Вадюша.

– Метро «Сокол»! – брякнул Кирилл. Он поддался на провокацию, не сообразив, что это слишком просто. Не стоит заглатывать наживку, которая так и просит, чтобы ее сожрали.

Вадюша, умиляясь, всплеснул ручками:

– Блестяще! Поздравьте юное дарование от моего имени!

Макар, под партой чистивший ногти выкидным ножом, зажал нож коленями и два раза вяло хлопнул в ладоши. Остальные от поздравлений воздержались: чувствовали, что что-то тут не так. Личико Вадюши становилось все злораднее, ноздри раздувались, верхняя губа отползала к носу, превращая попугайчика в бешеного кролика.

– Мало того что дарование пересело с нуля на ноль, потому что нельзя пересестись с троллейбусов, отправляющихся из одной точки, на этой точке!.. Мало того! Но это дарование еще и глушанули топориком где-то в районе дач художников! А почему? Кто знает почему?

На этот раз никто не высунулся, поскольку педагогический подход Вадюши подразумевал всеобщее тотальное незнание на фоне единственной звезды.

– А вот почему! На троллейбусном кольце у «Сокола» есть такое малю-у-усенькое... – губы Вадюши сладко вытянулись в трубочку, – зданьце пошленькой гражданской архитектуры. Приятно оно тем, что на втором этаже в стену вмурован эльб. Думаю, строителям не хватило других материалов. Ха-ха! Эльб довольно старенький и вялый, но на всякого появившегося рядом шныра доносит моментально. Так что с 19-го троллейбуса вас ссадят не позже «Октябрьского Поля» или, возможно, еще у эстакады через железную дорогу.

– Так где можно пересесть? – спросил Кирюша.

Вадюша закатил глазки, приготовившись воскликнуть нечто вроде «O tempora! O mores!», но тут карман курточки у него завибрировал, а с ним вместе вздрогнул и сам Вадюша. Достав телефон, он быстро написал кому-то сообщение и моментально проверил баланс. Вадюша вечно проверял баланс после каждого расхода. Он был возвышенный гений, которого плоть прибывала к земле. Молотком прибывала. По макушке. Метровыми гвоздями. Проверит баланс – и потом долго бубнит, что вот было 144,08 р., а теперь 141,99 р., и куда делись 3,91 р., одним эльбам ведомо.

– Так о чем мы говорили? Ах да, троллейбусы! Пересесть можно где угодно до остановки «Институт связи». Там маршруты расходятся. Собственно, только это и требовалось озвучить, – рассеянно сказал Вадюша и опять схватился за карман.

Шныры понимающе заулыбались. У Вадюши где-то в другом городе была девушка, с которой он переписывался сообщениями. Девушка, хотя ни разу в жизни не видела Вадюшу живьем, постоянно желала знать, что он делает. Раз десять в день минимум. Не потерялся ли он в большом городе? Не съело ли его выползшее из метрополитена чудовище? Не увела ли коварная конкурентка?

Рине всегда было любопытно, что Вадюша ей отвечает. Неужели пишет правду: «Не волнуйся, дорогая! Я занимаюсь опытами по нейтрализации боевой магии» или «Все в порядке, зайчик! Химичу с противоядиями и злюсь, что никто не хочет травиться, чтобы их проверить!»! Но если не пишет правду, тогда получается, что он ей врет? А врать Вадюша очень даже может. Скажем, в соцсети, в которой девушка с ним и познакомилась, он вывесил такую удачную фотографию себя любимого, что Рина сама влюбилась бы в Вадюшу, если бы не видела его живьем двести пятьдесят раз в день.

– В общем, плохо, господа! Шныр, не знающий Москвы, равно как и других крупных городов, где у нас есть кое-какие закладки, – это смертник. Причем знать их надо буквально до подворотни!

– Но есть же компьютерные карты! – заявила Рина.

– Поверь, когда будет нужно, карты у тебя не окажется. Ни планшета, ни телефона. Только рана в плече, сумка с закладкой и седло от разбившегося пег... – Вадюша отвернулся к окну. По его лицу скользнуло что-то болезненное и затаенное.

Рина с Сашкой переглянулись. Они почувствовали, что Вадюша случайно рассказал часть своей истории. Истории о том, как его сбили, пег погиб, а сам он утратил веру в себя. Сколько раз Вадюша пытался снова сесть в седло, но – бесполезно. Его охватывал панический ужас, что его снова обстреляют и он разобьется. И ужас этот был так велик, что Вадюша ничего не мог с собой поделать. Сознание точно перемыкало.

– Ладно! – сказал Вадюша. – Теперь новый материал! Запоминайте, записывайте – делайте что угодно, мне плевать на это слюной! НО! Учтите! На очередном занятии я собираюсь зверствовать! Уметь определять породы должен каждый шныр, или на двушке ему делать нечего.

Жестом фокусника он убрал схему движения троллейбусов и мгновенно вывесил на доске другую.

Не тратя время на переписывание, Рина быстренько засняла схему на телефон и, утратив бдительность, стала болтать с Сашкой. Внезапно стол перед ней подпрыгнул. Кто-то ударил по нему кулачком. Рина удивленно вздрогнула и обнаружила перед собой красную курточку с полосатыми карманами.

– О чем я только что говорил? – дрожащим голосом спросил Вадюша.

– Когда?

– Сейчас! Сию минуту!

– О философии справедливости! – не задумываясь, выпалила Рина. – А еще о формировании всеобщего формирования в структуре гуманитарной модели

личности!

По ошеломленному лицу Вадюши Рина поняла, что попала в точку.

- Откуда ты знаешь? Мысли читаешь?

- Э-э... ну вы всегда это говорите, пока класс что-нибудь переписывает.

Вадюша раздраженно посмотрел на нее и стал поворачиваться, собираясь с достоинством удалиться, но тут за спиной у Рины неосторожно хихикнула Алиса. Вадюша, как все неуверенные в себе учителя, не выносил смеха на уроках. Он подскочил на полметра и, метнувшись к Рине, потребовал:

- Значит, ты все знаешь? Прекрасно! А ну покажи свою тетрадь!

Рина поспешно закрыла тетрадь рукой. Она привыкла к тому, что в ШНыре конспекты не проверяются. По этой причине у нее образовалась привычка рисовать в тетрадях и записывать туда самые разные вещи. Да и вообще она с ужасом вспомнила, что на одной из предыдущих страниц имеется карикатура на Вадюшу. На ней он, босенький, пухленький, со складчатыми младенческими ножками, одетый лишь в трусики и галстук, воздев к потолку палец, объясняет Дионисию Белдо, что такое общественная мораль. Глава форта магов умиленно плачет, собираясь переходить на сторону добра, и под ним уже натекла лужа.

- Показывай! - повторил Вадюша.

- Не могу. Тетрадь моя. В ней много личного.

- Какого такого личного?

- Ну, в кого я влюблена и все такое, - терпеливо пояснила Рина.

- И в кого ты у нас влюблена на моем уроке? - сразу заинтересовался Вадюша. Он обожал такие темы.

- В вас, но исключительно как в источник знаний, - неосторожно брякнула Рина.

Это был удар ниже самолюбия. Вадюша, оскорбившись, толкнул коленкой стол.

- Чихать мне, в кого ты влюблена! Урок мой – значит, все тут мое! Давай сюда тетрадь!

Вадюша схватился за один край тетради, Рина – за другой. Некоторое время они тянули каждый в свою сторону. Вадюша был сильнее и наверняка победил бы, но за Рину вступился Сашка. Он прыгнул на стол животом и накрыл тетрадь своим телом.

- С ума сошел?! – зашипел Вадюша.

- Прошу прощения! Упал я! – объяснил Сашка.

- Вставай!

- Не могу! Там мышь!

- Какая мышь? Где? – ошарашился Вадюша.

- Под столом! Страшная такая! Глаза горят!

Услышав про мышь, Лара оглушительно завизжала и вскочила с ногами на сиденье, хотя не далее как вчера, поймав в пегасне в брикете с сеном крысенка, запустила его бегать к себе в рукав. Вадюша от визга поморщился, зажал уши, и этого оказалось достаточно, чтобы Рина, вызволив тетрадь, быстро ее спрятала.

Разгоряченный Вадюша, еще не ведавший, что тетрадь пропала, схватил Сашку двумя руками и стал сволакивать его со стола. Сашка, обняв стол, мешал ему.

- Папа, я сплю! Еще пять минут! – повторял он.

- Ах так! Ну сам виноват! – крикнул Вадюша и, в гневе сдернув с нерпи рукав, схватился за льва.

Сашка в ответ схватился за своего льва. При этом он случайно задел и русалку. Оба льва и русалка не просто вспыхнули одновременно, окутавшись сиянием, но и соприкоснулись, потому что Вадюша, сдергивая Сашку со стола, схватил его за запястье, а тот, пытаясь вырваться, ударил своей нерпью по его нерпи. Нерпи притянулись, а в следующий миг ярчайшая, надвое разделенная вспышка сбросила Сашку на пол. Вадюша тоже повалился, но в противоположную сторону.

Через дальнее окно, не повредив стекла, в аудиторию ворвалось нечто. Слепо заметалось, врезаясь в стены, метнулось к Сашке и Вадюше, запрыгало между ними, а затем ткнулось в Сашкину нерпь, закрутилось вокруг нее, подлетело к потолку, сухо лопнуло и исчезло. Никто не успел ничего разглядеть. В момент хлопка помещение залил ослепительный свет, в котором исчезло все, даже ощущение реальности. Сашке показалось, что его погрузили в океан, на огромную глубину, и он медленно всплывает оттуда. Всплывая, Сашка ощущал леденящий холод, от которого у него деревенели пальцы и сковывало дыхание.

Медленно, очень медленно Сашка перевернулся. Немного полежал, глядя в потолок. Нерпь, раскалившаяся при прикосновении странного предмета, быстро остывала. Вадюша очнулся немного раньше Сашки. Он глупо улыбался и вертел головой. Лицо у Вадюши было обсыпано чем-то мелким, похожим на сахарную пудру. Сашка увидел свой раздавленный контейнер для шныровского боя. Видимо, пока они боролись, он выскользнул из кармана, а вспышка привела к взрыву его содержимого.

- Простите! - сказал Сашка.

Вадюша тихо, но упрямо покачал головой. Непростительность в этой тишине была просто зашкаливающей. Медленно приблизился к кафедре, достал свой портфель и сунул руку внутрь. Все ждали, что он достанет. Вдруг шнеппер, чтобы убивать Сашку? Вадюша достал белый батон местной копытовской выпечки и стал его быстро поедать. Ел он не просто жадно, а заталкивал хлеб в рот обеими руками. При этом смотрел прямо перед собой остекленевшими глазами, и выражение лица у него было непонятное.

- Эй! - окликнула Лена. - Все хорошо? Запить не надо?

Вадюша упрямо замычал, давась хлебом.

- Что будем делать? - шепотом спросила Рина.

Делать ничего не пришлось. Дверь аудитории распахнулась. Вбежала Кавалерия. Повела она себя странно. Не задавая никаких вопросов, задрала голову и стала внимательно, метр за метром, обследовать стены и потолок. На потолке и стенах Сашка видел многочисленные следы копоты, оставшиеся в тех местах, где в них врезался непонятный раскаленный шар.

Вадюша глупо хихикнул и выплюнул кусок батона.

- А я вот вас ненавижу! И даже, быть может, задую! Только вот докушаю! - ласково сообщил он Кавалерии.

Услышав такое, Кавалерия отвлеклась от потолка, внимательно посмотрела на засыпанный белой пудрой подбородок Вадюши и, наклонившись, стала изучать раздавленный контейнер Сашки.

- Песок? Родниковая вода? Корни камышей? Пыльца? Из Межгрядья, конечно, тоже что-то есть? Для перепада, да? С минеральных экспонатов накрошил, которые в банках у моего кабинета? - со знанием дела спросила она.

- Да, - убито подтвердил Сашка.

- Все! Я покушал! Иду душить! - сказал Вадюша и, вытянув руки с полусогнутыми пальцами, направился к Кавалерии. Сашка бросился загоразивать ее, но Кавалерия отодвинула его в сторону и бесстрашно шагнула навстречу Вадюше.

- Дед бил-бил - не разбил! Баба била-била - не разбила! Мышка бежала, хвостиком махнула, яичко упало и разбилось... - быстро сказала она.

У Вадюши как-то странно затряслись плечи. Он сделал еще два шага и остановился. Его вздрагивающие пальцы почти касались шеи Кавалерии.

- Дед плачет, баба плачет... Все плачут! Трагедия! - с напором продолжала Кавалерия.

Вадюша замахал руками. По его щеке, отделившись от глаза, скользнула первая прозрачная капля.

– Я... я не перенесу! Замолчите, прошу вас! – взмолился он и, подняв батон, горестно вцепился в него зубами. Он уже не столько ел, сколько глодал его точно кость. Потом вспомнил, что Кавалерия осталась недодушенной, и метнулся к ней.

Кавалерия этого ждала. Она несколько отступила от Вадюши и негромко, точно напоминая сама себе, произнесла:

– Подлетает к пауку, саблю вынимает, и ему на всем скаку голову срубает!

Вадюша остановился и зарыдал в голос. Потом повалился на пол. Лопатки у него вздрагивали.

– Убил! Совсем! Саблей! Зверь! Паучка! – повторял он и бился лбом об пол.

Кавалерия аккуратно подсунула ему под лоб выроненный батон.

– Голову надо беречь! И пол тоже! До очередного сноса ШНЫра еще много лет. И потом, на полу наверняка есть микробы, а ты их раздавишь!

Лучше бы она воздержалась от уточнений, потому что Вадюша носом отпихнул батон, издал душераздирающий вопль и опять боднул пол. Чем больше он бодался, тем больше микробов давил. А чем больше давил тем больше страдал. Ситуация тупиковая.

– И надолго это с ним? – озабоченно спросил Сашка.

– Смотря сколько пыли вдохнул. Ты случайно изготовил оглуляющую пыль мгновенных прозрений. Когда человеку, например, кажется, что он ненавидит дедушку за то, что тот в детстве не купил ему мыльные пузыри! – сказала Кавалерия.

– А почему он все время ест?

– Побочный эффект! Страдает и пытается получить из еды концентрированное счастье. Ну, хватит его мучить! – Кавалерия поманила к себе Даню и Кирилла. – Мальчишки! Отведите Вадюшу в его комнату! Если будет отбиваться, рассказывайте ему любую трагическую сказку, только, по возможности, без людоедства. Он сейчас впечатлительный. Все попытается воплотить.

– Хлеб отбирать? – спросил Кирюша.

Вадюша угрожающе зарычал, продолжая ронять на батон слезы.

– Отбирать? Только если у кого-то есть лишнее здоровье! Истинные страдальцы часто склонны к превышению самообороны.

Кавалерия повернулась, собираясь выйти вслед за Вадюшей, но вдруг застыла на месте. Ее взгляд упал на участок стены сразу над дверью, куда раньше она не смотрела. Кавалерия вцепилась в очки, будто это могло изменить изображение.

– Вот оно! Видели? – прошептала она.

На белой штукатурке ясно обозначился череп. Не смазанная копоть, как в других местах, а именно очертания черепа. Пустые глазницы, впадина носа.

– Здесь он исчез! – сказал Сашка.

– Кто?

– Не знаю. Все было слишком быстро. Заметался, ударился об меня и исчез...

Кавалерия подошла к стене, протянула руку, точно собираясь ощупать след копоты, но делать этого не стала и спрятала руку за спину. Она стояла и тоскливо разглядывала провалы пустых глазниц.

– Как он вообще здесь оказался? Что его позвало? – спросила Кавалерия.

– Их нерпи соприкоснулись. Вот его и его! – Фреда бесцеремонно ткнула одной рукой в Сашку, а другой в дверь, за которой исчез Вадюша. – А у них львы пылали!

- И моя русалка! – договорил Сашка.

- Два льва и русалка? Вот так вот сразу?

Сашка осторожно кивнул.

- Тройное слитное сияние? При том что не было произнесено ни одного желания и магия боевых львов не задействована?! То есть просто пробудили кучу магии, не дав ей определенного задания? – медленно и отдельно повторила Кавалерия.

За толстыми стеклами очков ее глаза казались выпуклыми, пристальными.

- Э-э... Ну да! – согласился Сашка, сообразивший, что львов они действительно не использовали. Да и русалку тоже.

- Поздравляю! Что я еще могу сказать? Пять баллов! – Кавалерия дернула косичкой и вышла из аудитории.

Переглянувшись с Сашкой, Рина коснулась его руки, чтобы он оставался на месте, и метнулась за директрисой. Кавалерию она догнала на лестнице. Та быстро поднималась, высоко вскинув подбородок. К Рине она даже не повернулась. Просто остановилась:

- Болезненное любопытство?

- Не, не болезненное, – поспешно ответила Рина.

- Лучше, чтобы болезненное! Повод для этого есть. Выбросом энергии вы привлекли сюда самый неудачный уникам, отлитый Митяем Желтоглазым, – череп со стрелой. – Кавалерия взглянула на свою нерпь. Рука со скипетром слабо серебрилась, улавливая недавнее присутствие чего-то родственного.

- Но почему этот уникам...

– Нерпи, милочка, соприкоснувшиеся нерпи! Такой выброс энергии – как костер в темноте: отовсюду видно.

– Он перемещается сам? У него нет хозяина? – недоверчиво спросила Рина.

– Представь себе. Впрочем, хозяев он себе порой находит. А еще быстрее теряет. Я помню, как видела его в последний раз. Парень висел на пиках ограды, пробитый насквозь, а над ним метался этот череп. Мне было тогда шестнадцать, и этого парня я хорошо знала. Он был средний шныр, а я младший. Пики потом спилили.

– А зачем Митяй отлил этот уникам? Ведь не для того же, чтобы... – недоверчиво спросила Рина.

Кавалерия стянула очки, массируя оставленные ими вдавленные следы.

– Ну конечно нет! Митяй был первошныр! И этим все сказано! Для первошныра спать на голой земле, год питаться гнилыми сухарями или навеки лишиться себя какой-либо радости было делом самым естественным. Короткое усилие воли, сказать себе «это надо для двушки!» – и все. Митяй не видел в этом подвига. И потому ему новый уникам оказался по плечу. Но Митяя больше нет, а все остальные, кого касается череп, разлетаются вдребезги! Герой должен стоять своего меча, или тот его уничтожит. Вот почему я сказала, что Митяй сотворил неудачный уникам. Идеальным людям свойственно считать, что все вокруг тоже идеальны.

– Но если отдать его тому, кто достоин...

– Отдать? Каким, интересно, образом? Сачком его поймать? Череп – единственный уникам полного растворения!

Кавалерия нетерпеливо протянула руку, точно втыкая ее в воздух. На мгновение ее рука перестала быть видна, а затем появилась уже со стаканом. Обычный такой столовский стакан – гость из царства Суповны.

– В стакане вода. Бросаем соль (соль в солонке возникла таким же неожиданным образом), перемешиваем, пока не растворится... Соль осталась? Безусловно! Но

пока вода не испарилась, увидеть ее невозможно. Так и череп нельзя отнять у владельца, пока он жив.

– То есть нового хозяина он себе пока не выбрал? Ну, раз летает и все такое?

Прежде чем ответить, Кавалерия попробовала соленую воду языком и поморщилась:

– Не знаю. Во всяком случае, меня он в известность не поставил. Ты не видела: он коснулся кого-то?

Рина не видела. Вместо этого она спросила, какие у уникама свойства.

Кавалерия строго посмотрела на нее вначале сквозь очки, а потом и поверх них. Видимо, поверх очков Рина показалась ей более соответствующей сложившемуся впечатлению, потому что на этом втором варианте Кавалерия и остановилась.

– Свойства такие: вызывать воспаление заинтересованности у юных особ с большим самомнением, – сухо отрезала она, на чем разговор и завершился. Больше Рина ничего не узнала.

А несколько дней спустя Даня случайно застал Кавалерию в единственной шныровской аудитории. Она стояла и глядела на копоть на стене, а в руках у нее было ведро с краской и кисть.

Почувствовав, что в аудитории она уже не одна, Кавалерия вздрогнула, строго посмотрела на Даню, а затем влезла на стул и стала решительно замазывать похожий на череп след.

Глава третья

«Нас трое»

Когда смертельно заболевает человек, или случается беда, или еще что-то требует больших усилий, времязатрат, сердцезатрат, девяносто процентов вовлеченных людей начинают отмораживаться. То есть они были бы рады помочь, но вот как-то у них все криво в данный момент жизни. Прости, не могу! И тут внезапно происходит чудо: начинает помогать самый безнадежный, казалось бы, человек. И грубый, и противный, и зануда, от которого ты всю жизнь бегал. Или вообще едва знакомый. Непонятно откуда сваливается, но только на его плечо и можно опереться.

Из дневника невернувшегося шныра

В конце марта, почти на рассвете, когда в соседнем Копытово необъяснимо лаяли все собаки, а в кустарнике громко трещали мнящие себя бесшумными коты, Ул, насвистывая, шагал к пегасне. По снегу, наискось пересекая тропинку, тянулись три цепочки следов.

Улу было достаточно взгляда, чтобы определить, что это Окса и Вовчик взяли ослика Фантома и ушли в Копытово. Это называлось у них «прошвырнуться по писателям». Ул знал, что они будут водить ослика по сырым подъездам пятиэтажек, где в коммунальной кухне бородатый прозаик рвет табуретку из-под рахитичного поэта, пока тот, скорбя головой, швыряет в него половинками холодных котлет. Хитрый же драматург забаррикадировался в туалете и грозит никого туда не пустить, если ему срочно не дадут погладить ослика. Когда-то о Фантоме знали немногие, но слухи в литературном мире распространяются быстро. Теперь квартиры в Копытово снимают вскладчину, так как хитрые аборигены цены заламывают несусветные.

Доброй Оксе всегда неловко обирать творческих людей, и, смущенно ссылая в рюкзак консервы, она будет дежурно бормотать нечто в духе:

– Ваши книги – самое прекрасное, что я когда-либо читала! Ну скажи что-нибудь, Вовчик!.. Не молчи!

И Вовчик, ухмыляясь, послушно повторит:

– Ваши книги – самое прекрасное, что она когда-либо читала!.. Ей уже по закону можно замуж выходить, а она до сих пор только Агнию Барто читает и вас! Это же вы написали про девушку, которая превратилась в слоника?

– Это я написал! А он у меня идею сдул! – кричал из туалета подслушивающий драматург.

Плотный прозаик багровел и шел вышибать хлипкую дверь. Вовчик же, довольный, что устроил склоку, уводил по коридору Фантома. Вслед им бежал хилый поэт и, попискивая от восторга, гладил кисточку ослиного хвоста.

– В следующий раз чтобы одноразовые бритвы еще были. И кофе такой дешевый не надо брать, это ж мыло, а не кофе! – поучает его Вовчик, но голос его звучит безнадежно – он знает, что поэт все равно все забудет.

Вовчик с Оксой обойдут все известные им адреса и везде соберут свою дань. Лишь в один подъезд они заглядывают не часто. Здесь, на пятом этаже, в соседстве с копытовскими бабками, любящими померяться пенсиями и посидеть в солнечный день на балконе, живет почти уже несуществующий писатель. Критики давно ждут его смерти, чтобы поскорее его классифицировать без угрозы получить по лицу томом энциклопедии. Читатели убеждены, что он давно умер, поскольку даже самые пожилые из них слышали о нем еще в детстве. А он почему-то еще живет, и даже иногда мелко пишет что-то от руки и, делая из листов самолетики, пускает их в форточку. Об их дальнейшей судьбе он не волнуется. Знает, что рукописи не горят и не теряются. Если его самолет будет кому-то нужен, он прилетит по адресу.

Вернутся Вовчик и Окса лишь к обеду, кренясь под тяжестью набитых продуктами рюкзаков, и даже ослика нагрузят так, словно это не ослик, а мул. При этом Окса наверняка будет распевать песни, потому что на обратном пути не выдержит и часть дороги проедет верхом на Фантоме.

Думая об этом, Ул продолжал идти. По темному снегу метался узкий зверек, похожий на суслика. Ул хотел шагнуть к суслику, но замешкался из-за глубокого снега. В этот момент суслик вдруг подбежал к нему сам, и он понял, что это синяя больничная бахила. Ул остановился, присел на корточки и, поймав, с минуту ее разглядывал. Потом сказал «брысь!», отпустил ее, и бахила, послушавшись, убежала по снегу как живая.

У ворот пегасни на цыпочках стоял Даня. Вскинув над головой совковую лопату, он сбивал с крыши сосульки. Услышав скрип снега, Даня приветливо повернулся и уронил лопату Улу на голову.

Ул очнулся почти сразу. Сидел на снегу и поочередно трогал лоб и макушку. Вокруг бегал перепуганный Даня и, как курица крыльями, всплескивал руками:

– Прости, прости!

– Ну ты чудо! Я понимаю: голова у меня есть запасная! Но надо беречь хотя бы инструмент! – Ул стянул с головы шапку и, встав на четвереньки, сунул голову в снег. – Бррр! Хорошая вещь ушанка! Яра говорит: не модно, облезлая! А давайте по лыжной шапке лопатой плашмя шарахнем и сравним результат!

Он встал и, держась за лоб, побрел в пегасню. Перед тем как скрыться внутри, он достал свой двуствольный шнеппер и со второго выстрела сбил одну сосульку.

– Остальные сосульки я запугал! Пусть не думают, что я промахнулся! – объяснил он Дане.

В пегасне было не соскучиться. Пользуясь отсутствием Меркурия и Кузепыча, младшие и средние шныры надумали впасть в детство. Сашка, рискуя свернуть себе шею, повис ногами на балке. Внизу под Сашкой стояла Рина и, дергая его за челку, горячо шептала:

– Я тебе скажу свой пароль, а ты его поменяй, чтобы только ты знал. Буду тебя упрашивать – не поддавайся! Буду тебе угрожать, а ты не угрожайся. Даже если скажу, что ты гад и любить тебя не буду, ты мне все равно пароль от вай-фая не говори!

Макар метал вилы в брикет с сеном. Рузя рассеянно хрустел предназначенным для лошадей сахаром. У него вечно так получалось: задумается на минуту, а потом обнаруживает себя с набитым ртом где-нибудь поблизости от еды. Одна Лара пыталась трудиться. Со скребком в руках она стояла рядом с Икаром, который отмахивался от нее единственным уцелевшим крылом.

– Ул! Почисти за меня Икара! Он лезет как кроличья шуба! Я обчихалась! – кокетливо крикнула она.

Ул от такого счастья уклонился. Сказал, что он вечный таксойдист и делает все кое-как. Откуда-то прилетел веник и мазнул его по щеке. Ул оглянулся. Декорации переменялись. Кирилл колотил Алису тряпкой. Алиса, не тратя время на визг, пыталась отгрызть ему руку. Ул не стал сразу вмешиваться и некоторое время простоял рядом, наблюдая за процессом.

– Мне, конечно, по барабаниусу, но вы все делаете неправильно! У тряпки поражающий эффект выше, когда она мокрая, а руку надо отгрызать с внутренней стороны. Тут не прокусишь! – сказал он назидательно.

Кирилл и Алиса перестали драться.

– Она первая начала! – отдуваясь, крикнул Кирилл.

– Ясно. Значит, тебе двадцать отжиманий! – сказал Ул.

– Мне за что? Она пнула мое ведро и на меня же наорала! – взвыл Кирилл.

– Ведро – это, чудо былиин, суровые будни! А отжимаешься ты за попытку наябедничать на милейшую девушку!

Зная, что у Ула двадцать отжиманий легко превращаются в сорок, Кирилл неохотно повиновался.

– Это она-то милейшая? А на каких ябедничать можно? На страшных? – пропыхтел он, корчась на полу как червяк.

– На страшных тоже нельзя. А вот на умных иногда можно. У умной хватит ума тебя понять и простить! – со знанием дела сказал Ул.

Он с подозрением принялся и отправился в дальний угол пегасни. Нос его не обманул. Наста и Штопочка потрошили сигареты и, набивая табаком трубку, пытались ее раскурить. Причем, разумеется, делали все на сене. Увидев Ула, Наста с вызовом высунула язык, положила на него сигаретный фильтр, прожевала и проглотила. Штопочка же даже и прятать ничего не стала. Лишь вскинула голову и насмешливо посмотрела.

– Собираемся поджаривать пегов? – спросил Ул, толкая носком сено.

– Ничего не будет! Сено сырое, а тут все противоугарное! – с вызовом заявила Штопочка. Ул заметил, что она старается дышать в сторону.

– Смотри, унюхает Кузепыч твое противоугарное! – предупредил он.

– Не унюхает! Ему хоть в нос дыши!

– Ему – да. А Суповне?

– Лопатой я гоняла твою Суповну! – проворчала Штопочка, но с соломы ушла и трубку потушила.

Суповну она все же побаивалась. Видимо, чувствовала, что та сама в душе такая же безбашенная, только пообтесанная жизнью. Когда однажды, на кого-то взбешенная, Суповна метнула саперную лопатку на два оборота так, что та, вонзившись, просадила дверь толщиной в полпальца, в сердце у Штопочки кратковременно открылось неведомое окошко. Не то нежности, не то какого-то глубинного понимания. Кто его знает.

Ул вернулся к Насте. Та, избавившись от трубки, уже бросала на тележку брикеты с сеном. Ул хотел ей помочь, но Наста буркнула, чтобы он отвалил. На душе у Насты было скверно. Месяц назад у нее откололся зуб, сустав на левом колене стал при ходьбе щелкать и скрипеть. Лехур заявил, что это ранний износ вследствие когда-то бывшей травмы и через пару лет, если так пойдет, придется ставить искусственный. И теперь, когда ее никто не видел, Наста тайком плакала за пегасней (плач ее был похож на рев медведицы, у которой убили детенышей) и думала: «Как же так? Неужели это я? Я такая же, как была. Мысли те же, самоощущение то же, а вся уже какая-то бэушная!»

Ул знал, что, если он послушается и отвалит от Насты, она огорчится и будет орать. Но если не отвалит, она опять же огорчится и опять же будет орать, и второе огорчение будет больше первого. Поэтому он молча ткнул ее кулаком в плечо и, подождав, пока она повернется для звукового оповещения, сунул ей горсть сухарей.

– Для пегов и для Наст! – сказал он.

Направляясь к Азе, Ул неосторожно приблизился к деннику Цезаря. Клацнули зубы. Нос Ула спасла от укорачивания только хорошая реакция. Наста хохотнула и так врезала снизу кулаком по челюсти Цезаря, что царственный жеребец прижал уши.

– Насточка! Ты же любишь животных! – напомнил Ул.

– Эту рожу? – скривилась Наста. – Ну ладно, эту люблю!.. А морду все равно убрал!

Время было весеннее, пеги чудили. Алиса наивно сунулась убирать денник Фикуса, забыв вывести его и привязать. Тот впустил ее, но сразу коварно повернулся, и Алиса оказалась запертой. Это был любимый трюк Фикуса. Вот и сейчас он стал, незаметно переступая, наваливаться на Алису и притирать ее к стене. Поняв, что она в ловушке, Алиса закричала на Фикуса, но с равным успехом можно было орать на каменных коней Большого театра.

Через некоторое время, устав от звуков, Фикус повернул к ней морду и мокрыми ноздрями ткнулся ей в лоб. Не ожидавшая этого Алиса ответила одиночным воплем:

– А-а! Это животное хочет выпить мой мозг!

Ул поспешил на помощь, но Алису от Фикуса спас все-таки не он, а Фреда. Войдя в денник, она положила легкую злую руку Фикусу на холку и негромко спросила:

– Ну! Кого тут на колбасу?

Фикус сразу присмирел и с самым невинным видом отодвинулся от Алисы. Едва ли он понимал, что такое «колбаса», но голоса Фреды страшились все пеги ШНЫра. Он походил на дисковую пилу. В нем ощущалась такая сила, что не верилось, что он принадлежит худенькой девушке с костистыми запястьями, огромным лбом и цветочной шеей, которую можно обхватить двумя пальцами.

Освобожденная Алиса выскользнула из денника:

– Он меня опять обхитрил! Он всегда отодвигается, приглашает, а потом...

– А меня вот нет! – Фреде было обидно, что ее никто никуда не приглашает. Даже глупый толстый мерин. Однажды ночью Рина увидела, как Фреда тайком читает книжку, и подглядела название: «Учебник стерв. Как отшивать парней». От хохота она едва не рухнула с кровати и потом долго была вынуждена притворяться, что смеялась во сне.

Ну Фреда – это Фреда. У нее куча пунктиков. Например, делает все возможное, чтобы показаться страшнее, чем она есть. Вещи надевает, которые ей не идут. Сообщает всем, что у нее кривые ноги, демонстрирует дырки в зубах. Хотя если подойти критично, то и ноги у нее не такие уж кривые, и зубы вполне себе ничего.

Ул снял с колышка ведро, придирчиво оглядел его на предмет чистоты и куда-то пошел.

– Ул! Зайди сюда! – крикнула ему Яра.

Стукаясь коленями о пустое ведро, Ул шагнул в денник к Гульденку. Яра обхватила Гульденка за шею и, покачиваясь с ним вместе, как-то странно смотрела на Ула.

– Ну чего? Я овса хотел Азе свистнуть побольше, пока Кузепы нет! – сказал Ул.

– Потом принесешь.

– Аза сейчас хочет.

– Подождет твоя Аза. Нас теперь трое!

– Ясно, что трое! У меня все в порядке с арифметическим прибавлением! – Ул наклонился и подул Гульденку в нос.

Яра перестала раскачиваться.

– Ул, ты себя хорошо чувствуешь? Ты слышал, что я только что сказала? – вкрадчиво спросила она.

– Что нас трое! А когда притащится моя голодная Аза, будет четверо! А если притащится еще кто-нибудь, то будет... Эй, ты чего делаешь?

И лишь когда Яра нахлобучила ему на голову ведро и ударила по нему кулаком, Ул все понял. Пустые ведра обладают эффектом рупора. Ул подхватил Яру на руки и начал ее кружить:

– Ребенок, да? Ребенок!!! Ура!

– Что ты делаешь? Отпусти меня! Осторожно!

Гульденок мордой ткнул Ула под колени. Ул опрокинулся, даже в падении ухитрившись поставить Яру на ноги. Гульденок наступил ему копытом на спину и, пользуясь моментом, добрался до его карманов с сухарями. Подняться Улу удалось не сразу. Хорошо откормленный Гульденок был далеко не эльф, хотя обожавшая его Яра и утверждала обратное.

Когда Ул встал, его поразило, что лицо у Яры было сердитым. Даже злым.

– Чего ты? Это же отлично! – удивленно спросил он.

Яра укусила себя за согнутый указательный палец. Тревожный сигнал для тех, кто ее знал.

– Надо поговорить! Пошли на наше место! Только не на электричке.

– Телепортируем? А обратно, получается, пешком?

– Ни за что. Одолжим у кого-нибудь нерпи.

Ул секунду подумал и кивнул.

– Кирилл! Ганич! У вас нерпи с собой? – позвал он.

Наученный отжиманиями, Кирюша дал свою нерпь сразу, а Ганич заупрямился. Стал бубнить, что нерпь отдавать не положено и он, как честный шныр, поставит в известность Кавалерию.

- Заодно, как честный шныр, поставь ее в известность, что кто-то крысит со склада шоколадные тортики и жрет их по ночам. Не удивлюсь, если скоро ему устроят темную в раздевалке, - сказал Ул.

- Чушь какая! Я тут при чем?

- Так передашь?

Ганич торопливо расшнуровал нерпь и сунул ее Улу:

- На! Подавись!

- А вот давиться я не буду! Мне не нравится, когда на меня рычат! - сказал Ул. - Ты забыл пообещать, что, пока мы будем в Москве, ты прочистишь шланг автопоилки. Его, между прочим, забило. Лед там где-то застрял.

Побежденный Ганич кивнул, с ненавистью косясь на скалящегося Кирюшу, который притворялся, будто очень занят уборкой и ничего не слышит.

- Умница! И только попробуй отыгаться на ком-то из пегов! Я такие вещи моментом просекаю! - предупредил Ул, зубами затягивая шнурки его нерпи.

Через минуту Ул и Яра были уже в Москве. От проспекта Мира в сторону Сокольников тянулся очень длинный автомобильный мост, под которым проходило неисчислимое множество железнодорожных путей. Нигде больше в Москве не встречалось столько рельсов в одном месте. Ул с Ярой любили стоять на мосту и, облокотившись о перила, смотреть вниз. Там ходили люди в оранжевых жилетах. Звякали сцепки. Постукивали по колесам проверяющие молоточки. Деловитыми жуками ползли маневренные тепловозики.

Здесь всегда был особый железнодорожный запах, поскольку внизу отстаивалось множество пассажирских составов. Проводники мерзли и непрерывно топились углем. Над сотнями вагонов поднимались и разрывались

ветром черные дымки. Пахло надеждами, переменами и дальними странствиями.

Ул смотрел вниз с моста, и с его лица не сходила глупая счастливая улыбка, ужасно раздражавшая Яру. Она даже глаза закрыла, чтобы не видеть его широкой физиономии. Ей хотелось укусить Ула.

Ул ничего не понимал. Он был как большой растерянный пес, который не может объяснить, почему его хозяйка плачет, хотя ее никто не убивает и в холодильнике есть колбаса.

- Ну чего ты? - спросил он и попытался потереться носом о ее нос.

Яра отодвинулась на полшага. Ул не почувствовал, что надо остановиться, и протянул руку, собираясь коснуться ее щеки. Яра не выдержала. Ее ненависть к этому типу, перевернувшему всю ее жизнь, достигла пика. Она схватила его за руку и вцепилась в нее зубами. Она грызла его кожу, дергая головой из стороны в сторону, чтобы ему было больнее, а Ул, успокаивая ее, гладил ее волосы. Внезапно поняв, что он не бьет ее, не защищается, а именно жалостливо гладит, Яра изумленно отпрянула. Злость ушла, уступив место беспомощности. Яра тихо всхлипнула.

- Успокоилась, чудо былиин? А у тебя неправильный прикус. Ты знала? - сказал Ул, разглядывая красные пятна на своей руке.

- Дурак!

- Дурак - плохое слово. Если подростки услышат, то будут повторять, потому что сами они, конечно, его не знают! - заметил Ул с укором.

Яра устало выдохнула.

- Все! Бесплезно продолжать! Я поняла! Ты будешь гнуть свою клоунскую линию! Только смотри, как бы она совсем не погнулась, - пригрозила она и отвернулась, неосторожно подставляя ему свой затылок.

Ул воспользовался этим и потерся носом о ее волосы. Учтывая, что он не был романтиком, в волосах своей возлюбленной он не унюхал ни свежескошенного

сена, ни печеного хлеба, ни одуряющего счастья. Они пахли пегасней с примесью недавно погостившего здесь шампуня.

- Ты ничего не понимаешь! - повторила Яра.

- Чего не понимаю?.. Ребенок - это здорово! Сидит где-то там эдакая мелочь и злится, что пока не может смотреть на поезда.

Яра представила, как ее ребенок хочет смотреть на поезда, и усмехнулась. Ободренный этим, Ул почувствовал, что нужно добавить еще что-то такое правильное, расставляющее точки над «і», и сказал, что любит Яру и не бросит ее.

А вот это уже была ошибка. Когда человек находится в нервном состоянии, не следует говорить ему, чего ты не будешь делать. Его воображение моментально отпилит «не» от любого глагола, какой бы ты ни произнес, и мысли приобретут опасное направление.

Яра повернула к Улу озабоченное, очень недоброе лицо.

- А ребенка? - спросила она.

- В смысле?

- Не бросишь ли ты ребенка?

К ногам Ула ветер подкатил пластиковую пробку от бутылки. Ул столкнул ее с моста и смотрел, как она падает.

- Ну знаешь... я как-то что-то не ловлю... - сказал он.

- Нет, я не о том! - торопясь, сказала Яра. - Знаю, что не бросишь! Но что будет, когда он родится?

Ул не слишком представлял, что делают с детьми, поэтому предпочел отшутиться:

- Ну как? Наденем памперс, поселим в какой-нибудь коробке и будем учить алфавиту.

Яра мотнула головой:

- Ничего ты не понимаешь! Какая коробка?

- Ну кровать! - уступил Ул.

- Да при чем тут это? Сможет ли ребенок остаться в ШНыре? А я?

- А почему нет?

- Ты что, маленький?! Все будет зависеть от того, будет ли он шныром! Если нет, то и я не смогу остаться, потому что ребенок не сможет.

- Но почему?

- Ул! Ты или чего-то не понимаешь, или ты совсем ту... прости, я злюсь!.. Ты никогда не задавался вопросом, почему нет наследственных шныров? Ведь, по идее, многие шныры вступали в браки. И даже, наверное, со своими же! Но все равно почему-то пчелы вылетают из улья и притаскивают со стороны совсем левых людей, которые совсем не хотят сюда ехать и бьют стекла маршрутки! А шныровские дети навсегда покидают ШНыр с момента рождения!

- А сын Кавалерии?.. Он же наследственный?

- Сын Кавалерии лет пятнадцать жил то в Москве, то в Копытово, то вообще непонятно где... У родственников, у каких-то левых старушек. Кавалерия прятала его от ведьмарей, разрывалась между ним и ШНыром. А потом пчела прилетела за ним, да! И только тогда он сумел переступить за ограду ШНыра. Но это был один случай на сотни!

Ул помрачнел. Яра и ребенок уйдут из ШНыра! Его охватило острое чувство несправедливости. Почему так? Почему ребенок шныра так редко бывает шныром?

– А где ты будешь... – начал он, презирая себя за это «ты». Получается, что он-то останется в ШНыре. Или тоже придется уйти? Зарабатывать деньги на одежду и пеленки? Устроиться работать в магазин или на бензозаправку, которые в финале, в конце цепочки из мелких, средних и крупных хищников, окажутся принадлежащими тем же Долбушину или Тиллю?

– Можно подумать, у меня такой огромный выбор! Наверное, у ВикСера и БаКлы.

Яра представила себе БаКлу в роли прабабушки. Вот уж кто будет счастлив! Проштудирует от корки до корки медицинскую энциклопедию, сама поставит малышу десяток диагнозов и будет вынимать душу из врачей в детской поликлинике. Уж она-то знает свои права и чужие обязанности! Если у БаКлы должен появиться правнук, если уж небо решило ее так наказать, то это будет самый больной правнук в мире – на другого она попросту не согласится. Опять же у нее появится повод непрерывно шпынять ВикСера. Что бы ни произошло, один ВикСер во всем виноват. В конце концов, зачем-то он сделал ей предложение руки и сердца?

ВикСер же будет только грустно улыбаться и все равно любить Яру, БаКлу и правнука. Покупать им продукты (БаКла все равно останется недовольна, что майонез слишком маленький или мыло не такое) и сбегать в свой магазинчик к кранам и трубам. Слов ВикСер все равно не слушает. Или слушает не так, как другие люди. Его интересует не то, что говорит человек, а то, что он на самом деле хочет сказать, когда открывает рот. Например, когда женщина говорит: «Я тебя ненавижу!» – чаще всего она хочет внимания. Если швыряет стулом, ее надо обнять. Потому что, если не обнимешь, БаКлу переключит на другую звуковую дорожку и она будет говорить о смерти.

О смерти БаКла говорила часто. «Похороните меня в том-то... положите туда-то... чулки не забудьте надеть». Говорила очень спокойно и деловито. Видимо, этими разговорами подготавливала себя к нестрашности смерти. Однако на окружающих это производило удручающее впечатление. БаКла видела реакцию, отзвук, беспокойство и радостно продолжала. Человека всегда зацикливает на чем-то одном, когда окружающие выдают предсказуемую реакцию. Если же остальным плевать, что он сказал, человек быстро замолкает и ищет другой материал для помешательства.

Ул не был тонким психологом, но умел замечать в глазах у Яры тоску. И, замечая ее, становился в куда большей степени чуток, чем можно было ожидать от

человека с литой фигурой, точно вытесанной из дуба.

– Я тебя никому не отдам! Так и знай! – сказал он. – Никаким БаКлам! Если нам суждено уйти из ШНыра, мы уйдем из него вместе. Хотя это будет нечестно, если мы не сможем остаться.

– Ну честно, нечестно, а так оно и есть! В любом случае до рождения ребенка время у нас еще есть, – сказала Яра и вдруг, порывисто обняв Ула, прижалась лбом к его плечу.

Они стояли и раскачивались, и плевать им было, что на них смотрят из проезжавших машин. Светлый голубь-одиночка попытался опуститься вначале на один провод, затем на другой, но его сбило ветром и куда-то унесло. Под мостом загудел локомотив, которого не было даже видно. Ул смотрел на вагоны и сквозь напавшую на него рассеянность не понимал, что это вагоны. Его это испугало. Смотришь на такую обычную ерунду, как вагоны, и не понимаешь, что перед тобой.

Они стояли на мосту и слушали, как гудит локомотив. А между их прижившимися фигурами притаился третий, кого почти еще не было, но кто все менял в их жизни.

Глава четвертая

Маршрутная магия

Знаешь, как отличить женщину, с которой стоит создавать семью, от любой другой? Попросить ее сделать что-то явно бессмысленное. Например: «Возьми со стола эту ложечку и положи ее на пол!» Природно умная женщина сделает это сразу и без глупых вопросов, а глупая начнет мяться: «А зачем? А почему я? А какой тут подвох? А почему на пол?»

Йозеф Эметс

Маршрутка № Н ехала в Москву. В салоне маршрутки сидели восемь человек: Витяра, Наста, Даня, Сашка, Рина, Макс и Ул с Ярой. Больше они никого с собой не взяли.

Их автобус бросило влево, потом резко вправо. Рядом с хриплым гудком пронесся бесконечно длинный трейлер. Разошлись они на толщину волоса. Рину откинуло вперед. Она врезалась носом в спинку переднего кресла, что помешало ей представлять, как с двумя кольцами в руках она защищает А.А. Потebníю от призрака санскрита. Впереди загудел еще один трейлер, требуя от них убраться со встречной полосы. Хорошо, что его водитель не видел, что за рулем маршрутки № Н никого нет, иначе гудок был бы куда истеричнее.

Даня сидел, упираясь ногами в переднюю спинку.

– Нет, вы это видели? Им не нравится, как мы едем! Узость взглядов, традиционное мышление! – Маршрутку тряхнуло. Даня ударился подбородком о свое колено. – Ой! Я прикусил язык! Почему-то со мной всегда так: совершу глупость – и сразу получаю по органу, которым эта глупость была совершена! Ну там: пнул ногой столб – отшиб ногу!

– Я знаю, почему они гы-гудят! Их не устраивает наше пы-переднее к-кк-кы... колесо! – сказал Макс.

– А что не устраивает? – спросила Рина.

– У нас ны-нет пы-переднего колеса! – важно объяснил Макс.

Пристегнутый, он сидел впереди и баюкал на коленях новенький арбалет. Макс и его арбалет переживали медовый месяц. Макс то дышал на него, то поправлял прицел, то ногтем большого пальца озабоченно трогал непрокрашенное место размером со спичечную головку, и его лицо становилось трагическим.

Ул ободряюще хлопнул Макса по плечу, показывая, что можно не напрягаться:

– Ты бы еще вспомнил, что бензина нет! Удобная, чудо былиин, штука – эта маршрутка номер Н! Единственный вид транспорта, способный ехать не только без водителя, но и без двигателя, дверей и вообще без чего угодно!

– А если мы попадем под гаишную камеру? – спросила Яра.

– Расслабься! – успокоил ее Ул. – Мы уже попали под десять гаишных камер. Бедный Лев Троцкий! Получит в загробном мире кучу квитанций. Ну если, конечно, такой древний номер есть в базе! Номер, между прочим, мне пришлось подделывать.

– А кто придумал про Троцкого? – спросила Яра.

– Конечно Даня! Я вообще, чудо былиин, не знал, кто это такой!

Даня поморщился. Он не ценил дешевой популярности.

– Не амплицируй мой гнозис! В общей структуре моего когнитивного опыта данный поступок периферичен. Я мечтал о номере машины батьки Махно, но за отсутствием оного пришлось ограничиться виктимным шизоидом Троцким.

Маршрутка № Н промчалась через лужу, и в салон через отсутствующее лобовое стекло хлынули потоки воды. Меньше всего повезло белым брюкам Рины.

– Ну и зачем? – жалобно спросила она.

– Зачем – не шныровский вопрос! – хмыкнула Наста. – Шныровский вопрос: почему Кавалерия потеряла свою записную книжку? И почему в снегу ее нашла именно я? И конечно, списала кое-что про маршрутную магию. Хочу использовать ее, чтобы ездить в Копытово!

На макушке у Насты была засохшая царапина: она вечно пользовалась дешевыми бритвами, которыми приличный человек мог только зарезаться. Для особы, недавно получившей рану при защите ШНыра, Наста выглядела неприлично бодро. Ганичу и Дане, раненым в том же бою, что и она, тоже очень повезло. Раны затянулись быстрее чем за месяц. Правда, Кавалерии пришлось приносить кое-что от Второй Гряды, какие-то растения, похожие на мох, и несколько дней на ней не было лица. Оно было выпито усталостью.

– Книжку-то вернула? – уточнила Рина.

Наста цокнула языком:

– Обижаешь! Подбросила на кухню, чтобы Суповна вернула. Когда записную книжку возвращает Суповна, это как-то надежнее для моей рано облысевшей головы.

– У тебя хорошие волосы, – сказала Яра.

Наста не удостоила ее даже поворотом головы:

– Правда? Возможно. Но они далеко от меня! И лучше не хвали сейчас мои брови, потому что завтра я их тоже сбрею!

Яра быстро взглянула на Насту. Когда кому-то плохо, он инстинктивно тянется к другим людям, которым плохо, чтобы помогая им, обрести успокоение. Вот и Яру все эти дни тянуло к Насте, которая, не понимая, отталкивала ее, как ребенок отталкивает слишком заботливого родителя.

Саму Яру точно так же опекал Ул, в котором проснулся маниакальный отец в стиле Альберта Долбушина. Он ей вообще ничего не разрешал делать. Даже шнурки завязывать, хотя живот у самого Ула был пока больше живота Яры.

– Ты не понимаешь, чудо былиин! Яру вообще нельзя оставлять одну! Она полезет подковывать лошадь, потащит брикет с сеном – все что угодно. Будет знать, что нельзя, но все равно станет делать! – говорил он Афанасию.

Афанасий, ничего не знавший о причинах такой сверхзаботливости, потому что Ул с Ярой, разумеется, все скрывали, вопросительно хмыкал и произносил что-нибудь абстрактное в стиле: «Ну да! Женщины – они все так устроены. У них жесткий диск огромный, а оперативная память крошечная!»

Витяра полулежал позади Рины и, упираясь коленями в спинку переднего кресла, лепил что-то из пластилина. Делал он это как-то совсем неуловимо. Его пальцы нервно двигались, вытягивали, уплотняли, примазывали, работали с разными цветами, а когда разбегались, на ладони лежала уже готовая работа.

Когда он говорил с Улом, из пластилина появлялся Ул, а когда с Максом – Макс. Причем это всегда были очень хороший Ул и очень добрый Макс, точно Витяра примеривал их для того, чтобы населить ими свой идеальный ШНыр. Злых людей Витяра вообще никогда не лепил. Порой Рину посещала мысль, что Витяра вообще не видит в мире плохое. Например, в человеке девять плохих черт и одна хорошая. И для Витяры он будет состоять именно из этой одной хорошей черты.

Отозвавшись на какой-то вопрос Насты, Витяра несколькими движениями переделал Макса в Насту и посмотрел в окно. То, что мелькало за окном, очень мало походило на тихий подмосковный поселок.

– От ты дуся! Вообще-то нас посылали в Копытово! А мы просто-навсего куда заехали!

Наста бросила в Витяру скомканным списком:

– В Москве дешевле! Я не могу тащить на себе: масло постное – двадцать бутылок, сахар – тридцать шесть кг, майонез – шестьдесят пять шт., фасоль – двадцать кг, гречневой крупы – один мешок, сапоги резиновые – десять пар и так далее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/emec_dmitriy/cherep-so-streloy

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)